

№2
февраль 2026

РУССКИЙ КЛУБ

**АНАСТАСИЯ МЕТЕЛКИНА И ЛУКА БЕРУЛАВА –
СЕРЕБРЯНЫЕ ПРИЗЕРЫ ЗИМНИХ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР
2026 ГОДА В МИЛАНЕ**

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДZE
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Александр ЭБАНОИДZE

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДZE
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2 (244)
февраль 2026

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

ОСНОВАТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 8 ЕСЛИ ДЕЛАТЬ – ТО НАВСЕГДА
НЕЛЛИ СКОГОРЕВА
- 12 ДОМ НАВСЕГДА
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 18 «ВСЕ УЖЕ ПРОПИСАНО В ВЕЛИКОЙ ПЬЕСЕ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 28 КАК ПРАЗДНОВАЛИ НАШИ ДЕДЫ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 30 ЗА ТО, ЧТОБ РУЖЬЕ НИКОГДА НЕ СТРЕЛЯЛО!
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 31 СИЛЬНЫЕ ДУХОМ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 33 МИХАИЛ ЦИНАМДЗГВРИШВИЛИ
ОМАР ШУДРА
- 35 ЗВОНОК ОТ ЛЕВЫ ОНИКОВА
ВАДИМ АНАСТАСИАДИ
- 38 «ВКЛЮЧИТЬ МОТОРЧИК ФАНТАЗИИ...»
- 40 КНИГИ ОТ АВТОРОВ, ИЛИ КОНЕЦ МОСКОВСКОЙ ЭПОПЕИ
НОДАР НИКУРАДZE
- 47 АННА АХМАТОВА. ПАМЯТНИК САМОЙ СЕБЕ
ДМИТРИЙ АНИКИН
- 50 ВЕЧНО АКТУАЛЬНЫЙ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
ДМИТРИЙ БЫКОВ

На обложке: МТАЦМИНДА
Фото Дмитрия ЗВЕРЕВА

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ТОТ ЛИ ЭТО РУБИКОН

В январе 49 года до н.э. десятого дня, то есть 2075 лет назад, на рассвете произошло событие, изменившее историю Древнего Рима. Знаменитый военачальник Цезарь подошел к границе Италии всего с одним своим легионом. По римским законам полководец не имел права входить в пределы метрополии с войском. Переход через пограничную реку означал мятеж, гражданскую войну и разрыв с Сенатом. Эта река называлась Рубикон. Проблема лишь в том, что никто точно не знает, какая именно. За две тысячи лет русла изменились, названия исчезли, карты переписались. Ученые спорят до сих пор: то ли это современная Фьюмичино, то ли Писчателло, то ли еще одна из забытых речек, впадающих в Адриатику. По преданию, Цезарь произнес фразу: *Alea iacta est* – «жребий брошен» из популярной комедии Менандра. Возможно, и не сказал вовсе. История любит эффектные реплики. Легион перешел реку. Назад для Цезаря дороги уже не было.

С этого шага началась цепь событий, завершившая Римскую республику и открывшая путь империи.

А знаменитую фразу он, скорее всего, произнес по-гречески, который знал в совершенстве. Да и не только его. Мальчик рос не на пафосном Палатине, а в одном из самых неблагополучных районов Рима – простолудинской Субуре, шумной, тесной и крикливой. Там соседствовали лавки, харчевни, бордели, ремесленники, наемники, иностранцы, рабы и мелкие жулики. И для них юный аристократ, запросто выбегавший на улицу, был своим. Семья Цезаря принадлежала к старинному патрицианскому роду Юлиев, но богатством не блистала. Его мать, Аврелия, владела инсулой – многоэтажным доходным домом, и их квартира располагалась на первом этаже. Это было не от бедности, а скорее из практической: аренда, нехватка денег, контакт с реальной городской жизнью. Цезарь с детства видел Рим не с трибун цирка, а с улицы. В Субуре латынь звучала вперемешку с греческим, арамейским, финикийским и другими языками. Позже, уже на Востоке, Цезарь легко подхватывал речь собеседника – пусть не литературно, но достаточно, чтобы произвести эффект. Современники отмечали, что на переговорах он мог неожиданно перейти на греческий, вставить фразу на восточном языке, обратиться напрямую к переговорщику без переводчика. Это обезоруживало. Он не был полиглотом в академическом смысле – но понимал живую речь. А еще Цезарь знал жизнь и характеры людей. Последних, как оказалось, не так уж хорошо, учитывая его трагический конец. А выражение «перейти Рубикон» с тех пор стало крылатым, означаящим точку невозврата...

ОХ, УЖ ЭТОТ ГОЛЛИВУД, ИЛИ ШЛЕМ ОДИССЕЯ

Голливуд любит историю, но почему-то не любит точность. Экранным героям надевают доспехи, которые выглядят «древними» лишь на современный взгляд: гладкий бронзовый блеск, фэнтезийные гребни, обязательные кожаные наручи и кирасы типа лорика мускулата, универсальные шлемы «на все эпохи», не из истории, и часто с крылышками из пышных оперных спектаклей XIX века. В итоге античность, бронзовый век и раннее Средневековье часто смешиваются в один эффектный, но абсолютно вымышленный, несуразный костюм.

Проблема не только в деталях – в логике. Киношные доспехи выглядят как парадные, тогда как реальные были функциональными, сборными, нередко странными и даже неуклюжими на вид. Они отражали техно-

логию своего времени, а не ожидания зрителя. Поэтому подлинность кажется «некинематографической» – и ее заменяют неким стилем.

Сейчас, в ожидании кинопремьеры Нолана про странствия Одиссея, энтузиасты-реконструкторы, посмотрев первые трейлеры, в ужасе хватаются за головы. Абсолютное непонимание в эпоху.

Самый показательный пример – шлем Одиссея. В «Илиаде» он описан как сделанный из клыков кабана, нашитых на кожаную основу. Это не поэтическая метафора, а точное техническое описание. Судите сами:

*«Шлем из кожи; внутри
перепутанный часто ремнями,
Крепко натянут он был, а снаружи
по шлему торчали
Белые вепря клыки, и сюда и
туда воздымаясь».*
(пер. Н. Гнедича)

Такой шлем существовал в микенскую эпоху и хорошо известен археологам. Согласно «Илиаде», он Одиссею Лаэртиовичу достался от его деда по матери – известного плута и авантюриста Автолика. Шлем был легким, прочным и вполне боевым, но в кадре смотрелся бы слишком непривычно. И хотя защита из клыков вепря выглядела в глазах древних греков, возможно, не столь «дорогобогато», задача оберегания головы воина она решала ничуть не хуже. В самом деле, дентин клыков имеет твердость 58,9 кгс/кв мм, а оловянная бронза – около 40–60 кгс/кв мм в зависимости от состава сплава. При этом диких кабанов в Греции полным-полно и сейчас, а уж в микенские времена они и вовсе бегали стадами.

Завершая тему, скажем: Голливуд предпочитает узнаваемость. История же предпочитает правду. И иногда эта правда – в клыках кабана, а не в блестящей бронзе.

И ВО ВСЕ НЕ МИКЕЛАНДЖЕЛО

Все посетители Ватикана – папского города-государства в Риме, конечно же, обращали внимание на знаменитых швейцарских гвардейцев в причудливой средневековой форме. Существует устойчивый миф, что внешний вид их ярких костюмов разработан лично великим Микеланджело. Об этом написано в разных источниках, об этом рассказывают экскурсоводы. Так вот, граждане, это не так. Если искать создателя, то это, скорее, его вечный соперник и современник, не менее великий живописец Рафаэль Санти. Фигуры коленопреклоненных швейцарских гвардейцев изображены в правом нижнем углу его фрески «Месса в Больсене» в Stanza di Eliodoro – одной из четырех комнат Апостольского дворца в Ватикане. Между прочим, одного из гвардейцев художник написал с себя – шутка гения. Желто-сине-красные полосы пышных одеяний этих вооруженных охранников были от фамильных цветов двух пап – воинственного Юлия II из рода Делла Ровере и Климента VII из Медичи. Но на самом деле окончательный дизайн в 1914 году разработал тогдашний командир этой мини-армии понтифика, полковник Жюль Репон. Вдохновляясь фреской Рафаэля, он сделал форму более практичной, удобной и, как в старинные времена, нарядной.

РЕКЛАМА ПЕРВОГО В МИРЕ АВТОМОБИЛЯ

Вечером городок притих. Каменные дома Мангейма уже погасили огни, лавки закрылись, и только редкий прохожий мог заметить странную повозку, медленно выкатившуюся на улицу. Без лошади. С шумом, больше похожим на кашель. За рычагами был местный инженер Карл Бенц – человек, который в тот момент еще не знал, что меняет историю. Еще в 1885 году он завершил

работу над своим Motorwagen – трехколесной машиной с бензиновым двигателем внутреннего сгорания. Испытания приходилось проводить тайком: техника была капризной, сабаки громко лаяли, бежали следом и норовили укусить тонкие велосипедные шины, соседи недоверчиво косились и сплетничали, а инвесторы давно махнули на изобретателя рукой. Тем не менее 29 января 1886 года Бенц получил патент DRP №37435 – официальный документ на первый в мире автомобиль. Не «самоходную тележку» и не инженерную диковину, а именно автомобиль в современном смысле. Однако патент – еще не успех. Машина пугала, ломалась и вызывала смех. Тогда в дело вмешалась женщина! Это была жена изобретателя – Берта Бенц. Летом 1888 года она без предупреждения мужа отправилась на его автомобиле в путь из Мангейма в Пфорцхайм к родственникам – более 100 километров туда и столько же обратно. Этот рейс стал первым в истории рекламным автопробегом. По дороге Берта чинила машину подручными средствами, покупала топливо в аптеке (лигроин), изобрела первую тормозную накладку. Когда деревянные тормоза стерлись, она обратилась к сапожнику, который по ее просьбе прибил куски кожи к тормозным колодкам, что стало прообразом современных тормозных накладок. Главное, эта дама доказала: автомобиль – не игрушка, а средство передвижения. После этого сомнений не осталось.

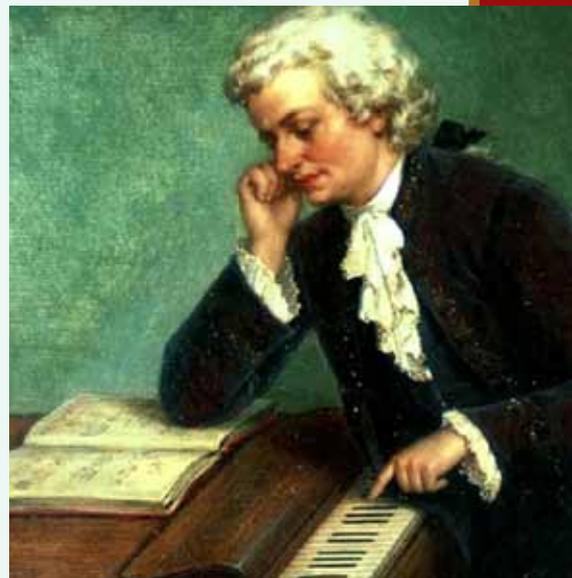

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ ВОЛЬФГАНГ

В этом январе мы вспоминаем Вольфганга Амадея Моцарта. Он родился 27 января 1756 года в австрийском Зальцбурге. Мы не станем пересказывать его и без того хорошо известную биографию, от бесконечных гастролей знаменитого на всю Европу музыкального вундеркинда до загадки таинственного «черного человека» – заказчика Реквиема. Об этом написаны книги и снимали фильмы, в том числе один оscarоносный.

Мы просто вспомним этого невероятного гения, и вовсе не потому, что круглая дата требует венков.

Моцарт всегда хотел одного – писать так, как слышит. Он смеялся в

операх, где от композитора ждали чинности и солидности, и говорил о серьезном легко, будто между делом. Это раздражало начальство и восхищало слушателей.

Он не был баловнем судьбы – но и трагическим героем его делать неверно. Моцарт прожил короткую, но насыщенную и плотную жизнь, успев сказать больше, чем многие за долгий век. Его музыка пережила эпохи, вкусы и идеологии.

Композитор жил на съёмных квартирах. Писал быстро, почти без помарок. И постоянно торопился к сроку, торопили заказчики – аристократы, издатели, оперные певицы и коллеги-музыканты, заказывающие для себя новые номера. Работал Моцарт в домашней рубахе и без парика, среди любого беспорядка – жена была плохой хозяйкой. Так он и жил без регулярного придворного жалованья и без уверенности в завтрашнем дне. Чудо-ребенок, которого возили по дворам Европы, не вписался во взрослую жизнь. Да, Моцарт считался гением с мировой репутацией, но одновременно был неудобным фрилансером – в XVIII веке он чуть ли не первым среди коллег рискнул стать «свободным художником». За это его любила публика и не любили покровители. И пусть никого не обманывает, что Моцарт писал легко. За кажущейся прозрачностью его музыки скрыта точная инженерия чувств. Комедия у него никогда не бывает пустой, а трагедия – тяжелой. Даже в самых светлых мелодиях есть тень, а в самых мрачных – свет и воздух. Моцарт знал цену смеху и смерти одинаково хорошо.

Он умер почти бедным, и был похоронен безымянно. Но музыка оказалась сильнее эпохи, заказчиков и обстоятельств.

Его жизнь – напоминание о том, что подлинная свобода в искусстве часто стоит дорого.

«ВЕЧНЫЕ» ЭТЮДЫ ЧЕРНИ

Карл Черни, австрийский пианист и композитор чешского происхождения. Он родился в Вене 21 февраля 1791 года, то есть 235 лет назад, в семье пианиста и педагога Венцеля (Вацлава) Черни, ставшего его первым учителем. Под его руководством Карл начал концертировать в девятилетнем возрасте. И мальчик настолько преуспел в пианистической профессии, что с годами стал фигурой, без которой трудно представить историю фортепианной школы. Но за сухими обложками написанных им сборников этюдов, по которым мы все учились, скрывается почти романтическая судьба.

Рассказывают, что юный Черни однажды сыграл для самого Людвига ван Бетховена его собственную сонату. Композитор был поражен: мальчик играл точно, свободно и с пониманием замысла. И великий Бетховен взял его в ученики – бесплатно. Позже, когда слух мастера начал угасать, именно Черни, самый любимый ученик маэстро, одним из первых понял трагедию учителя. А после окончательной глухоты Бетховен доверил своему воспитаннику исполнение Пятого фортепианного концерта ми-бемоль мажор, знаменитого «Императора» – сочинения, которое сам физически уже не мог представить публике.

Черни не стал сценическим кумиром эпохи, гастролировал он мало, но стал ее архитектором. Его учебники и этюды разошлись по всей Европе и принесли автору значительное состояние. Разбогатев, Черни щедро помогал ученикам и друзьям, а по завещанию передал средства фонду поддержки глухих – возможно, помня судьбу Бетховена.

Он прожил жизнь одинокого человека, без семьи, в окружении нот и... кошек, которых искренне любил. В истории музыки Карл Черни остался не только строгим наставником, но и человеком редкой порядочности и достойным благодарной памяти.

«ОТМЕНИТЬ» РЕНУАРА!

О Пьере-Огюсте Ренуаре, родившемся 25 февраля 1841 года, сегодня спорят так, будто он наш современник и обязан соответствовать повестке дня. Между тем Ренуар писал не о страданиях, а о радости. «Почему искусство не должно быть красивым? В мире и так достаточно неприятных вещей», – бросал он с присущей ему упрямой прямоотой. И действительно: его «Мулен де ла Галетт», «Завтрак гребцов», его «Купальщицы» – это гимн свету, человеческому телу, воздуху, теплоте дружескому присутствию.

Он начинал как дерзкий импрессионист – рядом с Клодом Моне и Камилем Писсарро, ловя солнечную пыль на бульварах и отблески воды. В 1870-м во время франко-прусской войны его призвали в кавалерию, хотя ездить верхом он толком не умел – армейская романтика быстро испарилась. Его друг, талантливый Фредерик Базиль, самый обеспеченный из них, выходя из богатой семьи виноделов в Монпелье и щедро помогавший своим нищим товарищам, погиб на фронте. А Моне и Писсарро уклонились от службы и уехали в Лондон, где нашли поддержку у их будущего маршала Поля Дюран-Рюэля. Ренуар же вернулся к живописи – и к свету. Но во время Парижской коммуны вооруженный революционный патруль, которому не понравилось, что художник на набережной пишет городской пейзаж по ту сторону Сены, и решивший, что это шпион, собрался его попросту расстрелять на месте. Выручил один из их начальников, проходивший мимо, который когда-то прятался в мастерской Ренуара от полиции. В итоге, вместо расстрела художнику устроили овацию.

Ренуар ненавидел черный цвет, называл его «королем-разрушителем» и уверял, что в природе нет настоящей черноты: тени – синие, фиолетовые, коричневые, но не угольные. В шутку говорил, что если бы его заставили писать только черным и белым, он бы лучше пошел в повара. В этой шутке – весь Ренуар: живописец, который упрямо искал цвет даже там, где другие видели мрак.

Да, он был консервативен, ворчлив, позволял себе антисемитские и антидрейфусарские высказывания – за что его сегодня ненавидят, называя плохим художником и сексистом, якобы унижающим женщин. Его сыновья вспоминали: отец не был идейным фанатиком, скорее старым брюзгой. Но когда он брал кисть, то транслировал не политические убеждения, а чистую человеческую радость и добрый взгляд мастера.

В настоящее время находятся странные радикалы, сторонники феминизма и ЛГБТ, которые пикетируют его выставки, требуют убрать его работы из музеев, особенно ню, а самого автора, умершего век назад, «отменить». К счастью, таких немного.

Ведь его полотна – не какие-нибудь манифесты, а просто попытка изобразить радостное, прекрасное и красоту женского тела, которая выше личности автора.

И еще один штрих: когда ему было 55 лет художник сломал руку, упав с велосипеда, после чего болезнь стала прогрессировать. А в старости жуткий артрит скручивал его пальцы, кисти привязывали бинтами к руке, но он продолжал писать. И писал разными руками по очереди, он был амбидекстером, то есть одинаково владел обеими. «Боль проходит, а красота остается», – говорил Ренуар. И, кажется, оказался прав. Время отсеивает склоки и неудачные цитаты, оставляя только свет, который художник сумел зажечь.

КИНОПРОДЮСЕР СТРАНЫ СОВЕТОВ

В истории раннего советского кино есть имена-символы: Эйзенштейн – это гениальный монтаж, Дзига Вертов – это правда жизни. А Яков Протазанов – это касса. Пока авангардисты спорили о гибели театра и рождении «нового глаза», этот человек просто оккупировал кинотеатры, заставляя зрителей стоять в очередях. Его называли «соглашателем» и «старым ремесленником», но именно он стал фундаментом, на котором в бурные времена устояла индустрия.

Яков Александрович Протазанов родился 4 февраля 1881 года в Москве в купеческой семье. Его путь в кино начался не с высоких теорий, а с практики: он пришел в фирму «Гло-

рия» переводчиком и ассистентом, а уже в 1911 году дебютировал как режиссер. До революции он успел стать королем экрана, сняв эталонную «Пиковую даму» и открыв миру главную звезду эпохи – Ивана Мозжухина.

Революция 1917 года заставила его, как и многих, бежать. Эмиграция, работа в Ялте, Константинополе, Берлине и, наконец, на парижской студии «Альбатрос». Казалось бы, биография типичного «невозвращенца». Но в 1923 году происходит невероятное: Протазанов возвращается в Москву.

Конечно, это был не только личный выбор, но и большая политическая игра. Анатолий Луначарский, нарком просвещения, человек блестящего образования и не менее блестящего чутья, понимал: революции не выжить на одних агитках. Нужен профессионализм мирового уровня.

И Луначарский предоставил Протазанову своеобразную «охранную грамоту». Пока радикалы из ЛЕФа и РАППа яростно обвиняли режиссера в «буржуазности» и «архаике», нарком обеспечивал ему бюджеты и свободу маневра. Их союз был прагматичен: власти был нужен качественный экспортный продукт и деньги от кинопроката. Протазанову же это давало возможность снимать на родине, не считая каждый франк.

Да, его часто упрекали в беспринципности. Говорили, что он одинаково ловко снимал и мистику для царя, и фантастику для большевиков. Но за этим «приспособленчеством» скрывался редкий дар – чувствовать пульс времени.

В 1924 году он выпускает «Аэлиту» – первый советский научно-фантастический блокбастер. Конструктивистские декорации, марсианские интриги и земная бытовуха НЭПа – это было модно, дерзко и безумно дорого. Но Протазанов не заигрывал с формой ради формы. Он строил крепкий сюжет.

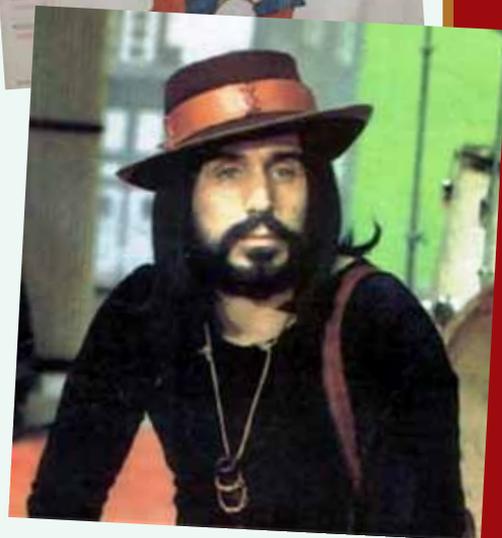
Он не писал манифестов и не создавал киношкол «имени себя». Он просто работал. За свою жизнь Протазанов снял более 80 фильмов – цифра невероятная для той эпохи. В его картинах не было идеологического надрыва, зато была железная режиссерская рука, внятный монтаж и глубокое уважение к актеру. Протазанов находил гениальных актеров, Мозжухина, Ильинского, Кторову

Был ли он любимцем власти? Скорее, он был ее ценным активом. «Удачливый мастер» – так его называли с оттенком пренебрежения. Сегодня мы назвали бы его великим продюсером и режиссером в одном лице, человеком, который научил советское кино говорить со зрителем на языке успеха, не теряя при этом достоинства художника.

И сейчас, в эпоху голливудских блокбастеров, можно скачать в интернете его «немые» шедевры и хохотать вдоволь. Истинным триумфом Протазанова стала комедия «Процесс о трех миллионах» (1926) и «Праздник святого Йоргена» (1930) – это эталоны жанра, где сатира на религию и капитализм была лишь изящным фоном для блестящей актерской игры. Протазанов первым понял: чтобы воспитать зрителя, его нужно сначала развлечь.

ПОЛЬСКИЙ МЕНЕСТРЕЛЬ

Легендарный Чеслав Немен – один из самых самобытных голосов польской сцены XX века. Он родился 16 февраля 1939 года в Гродненской области на территории Белоруссии в простой семье. Его имя Чеслав Выджицкий. В 1958-м пришло время выбирать, в какой стране жить и в чью армию призываться. И Чеслав, знавший свободно оба языка – русский и польский, вместе с семьей переехал в Гданьск, где поступил в высшую музыкальную школу. И буквально через пару лет осуществил свой выбор – стать певцом и автором песен. В начале 60-х Чеслав уже выступал на эстраде, а в 1962 году стал солистом ансамбля Небеско-Чарны. Он сразу поразил публику яростным и страстным вокалом. Коллектив стал популярным и много гастролировал по Европе и даже выходил на сцену парижской «Олимпии». Именно тогда артист взял псевдоним – в честь реки Неман, на берегах ко-

торой прошли его детство и юность. Первое международное признание пришло уже в 1964 году, когда сама Марлен Дитрих записала немецкую версию его песни «Ты меня еще помнишь?». Вскоре Немен увлекся экспериментами со звучанием и имиджем: длинные волосы, хиппи-эстетика, эмоциональная манера исполнения стали его визитной карточкой. Считается, что он вдохновлялся музыкальными приемами «черного соула». Он пел много народных песен прямо с эстрады, делая их популярными среди молодежи. В середине 60-х Немен записал несколько русских песен, особенно здорово у него получились старинные песни «Славное море, священный Байкал» и «Бродяга».

В 1967 году он начал сольную карьеру с группой «Акварели» и на фестивале в Сопоте произвел сенсацию песней «Dziwny jest ten świat» («Этот странный мир»). Сильный гражданский текст, напряженная мелодия и почти исповедальная подача принесли ему первую премию и закрепили статус артиста нового поколения. Его называли последним менестрелем и королем польского рока.

Немен стал символом музыкальной свободы Польши – певцом, который соединил рок, соул и поэзию в мощный, узнаваемый стиль.

ЕСЛИ ДЕЛАТЬ — ТО НАВСЕГДА

■ **Нелли СКОГОРЕВА**

Анна Бердичевская, известный поэт и прозаик, чьи тексты, как «льва по когтю», узнаешь с первых строк, не нуждается в специальных представлениях. Тем более ее не надо представлять читателям «Русского клуба», которые давно полюбили нашего постоянного автора и всегда с нетерпением ожидают ее очередных материалов.

Но этот номер порадует вас, дорогие поклонники Анны Бердичевской, особенно. Дело в том, что она оказала нам большую честь, удостоила, так сказать, права сеньора — права первой публикации первых глав своего нового романа «Дом навсегда». И вы — ее первые читатели.

К нашему удовольствию и радости Анна Львовна, предваряя публикацию, согласилась ответить на несколько вопросов корреспондента «РК».

— Представляя грузинскому и русскому читателю роман о Тбилиси — волнуясь. Первая его часть посвящена периоду с 1984 по 1991 год — это те семь с небольшим лет, которые я прожила в столице Грузии. Все имена подлинные, есть документы, которые я привожу, воспоминания людей о «главном герое романа», но главный герой не является героем единственным... Роман называется «Дом навсегда».

— Речь идет о конкретном доме?

— Да, об известном всем тбилисцам, о Дворце торжеств... хотя в разные времена у него было по меньшей мере три названия официальных, а еще и неофициальные. Мой внезапный переезд в Тбилиси 40 лет назад совпал со строительством этого дома....

— Извините, перебыю, но это удивительное совпадение — именно в те годы я жила в частном домике через овраг от Дворца торжеств...

— Здорово! Их много и в романе. Самое существенное произошло два с лишним года назад совсем неожиданно для меня. Тогда вдруг как пазлы, сложились многие из случайностей судьбы. И возник сюжет текста длиной в сорок лет...

Я давно живу в Москве, но в Тбилиси бываю каждый год, иногда не по разу. В 2023-м прилетела в мае, звоню стариннейшему другу, скульптору Гие Джапаридзе, — договориться о встрече. А он меня спрашивает: «Ты помнишь, как началось наше знакомство?» Отвечаю: «Конечно! Во Дворце торжеств, ты там устанавливал своего бронзового Диониса... Не виделась ни с дворцом, ни с Дионисом с начала девяностых». А он мне: «Я тоже... Не поверишь, как раз завтра меня туда позвали! Похоже, он открылся. Пойдешь со мной?..»

У меня дыхание перехватило. Да, я пошла! Так, спустя десятилетия, я внезапно оказалась в поразительном доме, который, казалось, исчез но вернулся со всеми воспоминаниями. Как будто срослась разрубленная линия жизни...

Я было начала говорить вам о сюжете романа. Да, в центре

С Гией Джапаридзе. Дом торжеств, 2023

романа – Дом. Однако, внутри него, да и вокруг возникали живые люди, которых я знала полжизни. Про одного из них, я даже не знаю, бывал ли он в Доме торжеств – Резо Габриадзе.

Много лет назад он – так, нечаянно – обронил несколько слов, которые я запомнила. Мы близко дружили, даже когда я уехала из Тбилиси, подолгу разговаривали по Скайпу, ныне забытому. Мучаясь бессонницей, он звонил своим друзьям, по счастью, и мне. Как-то раз я сказала Резо, что пишу небольшую вещь, пустяшную, скорее бы закончить... А он ответил: «Либо не спеши, либо не пиши. Попробуй брать пример с Господа Бога – Он делал навсегда. Так хотел! Если не хочешь – вообще ничего не выйдет. Так и не делай!.. Дом строить надо навсегда, неважно, проживешь ты в нем пять дней или всю жизнь, делать его навсегда, тогда он, возможно, послужит еще для чего-то после того, как тебя не станет. Иначе – зачем?».

Отсюда, спустя много лет, и получилось название документального романа – «Дом навсегда». Все мои герои и факты, с ними связанные, – реальные. Все они, так или иначе, – строили «дом навсегда». Это и моя любимая подруга Манана Геде-

ванишвили, и Гия Джапаридзе, и Зураб Нижарадзе, и Андрей Битов, и архитектор Виктор Джорбенадзе... Их, героев романа, – много.

Больше о сюжете ничего не скажу, потому что исток романа должен быть в романе, а не в предисловии.

– Анна Львовна, расскажите о себе. Где вы родились? Как стали писателем?

– Появилась на свет давненько, в 1948 году, в городе Соликамске – на севере Пермского края. Родилась в лагере, потому что маму арестовали беременной мною. Как это тогда водилось, – по обвинению в антисоветской агитации и преклонении перед иностранщиной... Довольно поздно, уже в этом тысячелетии, вышла моя первая книжка прозы под названием «Чемодан

французский, и меня после лагеря начала учить. Она родилась в рабочем поселке Мотовилиха – в Перми, еще предки наши в восемнадцатом веке строили там пушечный завод... Когда маму арестовали, дома остался ее девятилетний сын Сережа – мой старший брат, его отец погиб в 38 году. В войну мама работала на пушечном заводе, писала лозунги и наносила камуфляж на гаубицы. А после войны в нее влюбляется 23-летний курсант военно-морского училища Лев Маратов – большой, красивый, кудрявый, – так мама и ее друзья мне рассказывали. Я даже фотографии его никогда не видела. В 16 лет пыталась разыскать отца, но это уже отдельная история... Так вот, когда маму арестовывали, ее осматривает тюремный врач

С Резо Габриадзе. 1987

Якубовой». В ней – несколько рассказов и небольших повестей, относительно автобиографических... Всего книг у меня с десяток.

Мама моя была интеллигентным человеком, театральным художником, много читала, писала стихи, занималась переводами с английского, учила

и говорит: «Вы беременны. Но вам повезло, потому что везде по стране запрещен аборт, а в тюрьме даже приветствуется. Сделаем!».

Мама, не подозревавшая о своей беременности, ответила: «Да что вы, я хочу этого ребенка!..»

И вот я живу...

Мама была чудесным и ве-

С мамой. Пермь, 1958

рующим человеком. Церквей почти не было, но Евангелие и Апостол у нас были. Через много лет некоторые «свидетели в суде» приходили и просили у нее прощения, она всех простила. Я это помню.

– А с какого возраста вы помните себя?

– С пяти лет. Три года провела в лагере, потом в детском доме, потом мама вышла, отсидев все пять лет. И началась моя настоящая жизнь. Встречу с мамой описала в своем рассказе «Якубова, с вещами!». Он печатался, его можно найти. Наша с мамой жизнь – это было полное счастье. Она меня дважды спасла и отогрела. Для меня же началось открытие мира через маму, с мамой. Я влюбилась – и в маму, и в жизнь!.. И она во мне души не чаяла. Для меня – до нашей встречи после возвращения мамы из лагеря – как будто ничего никогда и не было. Память стерла. Мы жили в сельском клубе рядом с деревянной школой, училась я без напряжения на 4 и 5, смотрела советские и «трофейные» фильмы. Очень много читала. Когда мама заболела, я, лет с двенадцати, подрабатывала киномехаником в нашем клубе, потом лаборантом в школе... И вот я заканчиваю 11-й класс, надо поступать. «Только, пожа-

луйста, не на филологический и не на исторический, потому что всю жизнь придется врать. Поступай на математический, ты же любишь геометрию».

– Неужели вы закончили технический вуз?

– Я закончила заочно механико-математический факультет университета. Но с детства писала стихи. А во время учебы начала писать в местные газеты, ходить на литературные вечера. Тогда и познакомилась с будущим мужем. С Леонидом Юзефовичем дружили несколько лет, поженились после смерти моей мамы. После ее ухода рождение дочери Гали Юзефович меня спасло... Жили мы в Перми, по-моему, счастливо... Но через десять лет развелись.

– Как это случилось, что вы оказались в Тбилиси?

– Очередная полоса удивительных совпадений.. Однажды, уже после развода, иду морозным днем пермской заснеженной улицей и вижу – передо мной идет по сугробам странная женщина в длинной юбке, нескольких кофтах, в шали, накинутой на плечи, и в удивительной шапке... Я почему-то пошла за ней. Она оказалась грузинкой, студенткой, и шла в кино клуб смотреть «Жил певчий дрозд». А в следующие дни с нею же, с Натой Гончаровой, грузинкой из Кварели, посмотрела «Древо желаний» и «Не горюй!..» Так все началось. А целиком историю о переезде в Грузию можно прочесть в моей книжке «МАСХАРА, или Частные грузинские хроники», в первой из «хроник». В бумаге книги давно нет (ее, кстати, иллюстрировал Резо Габриадзе), но в электронном виде, говорят, можно отыскать.

– И что же дальше?

– А дальше – как раз и читайте начало романа «Дом навсегда»!.. Хотя Грузия и не стала моим постоянным домом (подоплеку названия вам уже рассказала), но я из нее и не уехала навсегда... У меня по судьбе три больших периода жизни и три города. Сперва Пермь и Советский Союз, потом Тбилиси и уже не совсем Советский Союз, и третий период, когда я переехала в Москву, где были совсем другие люди и другие времена.

Тогда я, собственно, и стала писать не только стихи, рецензии, репортажи, эссе, но и то, что принято называть художественной прозой. Началось это уже в этом тысячелетии...

– Кто были ваши учителя в прозе?

– После переезда в Москву я стала издавать деловой журнал и книжки любимых писателей. В том числе Андрея Битова и многих других авторов. Битова, в определенном смысле, я бы могла назвать моим учителем – всегда у любимого автора чему-нибудь да учишься. Даже если и не писательскому ремеслу. Я и сейчас очень ценю его прозу. Вообще же, думаю, «учителей» у меня не было. Еще и потому, что я слишком поздно стала писать большую прозу. Но мои первые рассказы, как мне кажется, потихоньку выросли из сказки «Черная курица», да еще и прочитанной в детстве чудесной книжке Бориса Житкова «Что бывало». Мои первые публикации – все вместе – можно было бы озаглавить, как и книгу Житкова, – «Что бывало». Такой вот жанр... Но первый, изданный в 2016 году в издательстве ЭКСМО роман – «Крук» – это совершенно другая проза. Лучше или хуже – не знаю. Просто о новой, другой жизни, текущей по-новому. Он был быстро распродан в магазинах и попал в лонг-листы трех главных литературных премий – «Русский Букер», «Ясная Поляна» и «Большая книга»... В стихах вообще не может быть никаких учителей. Что такое настоящий поэт?.. Понять я не могу, не хочу и не пытаюсь. Потому что поэзия – это чудо, одна из тайн жизни. Это язык, музыка, образ – слившиеся воедино. Это самый короткий и полный способ высказать не только мысль, но и чувство; и что-то еще, чего мы в сутолоке не понимаем. И это невероятная точность и окончательность формы – только так и никак иначе. Я не очень понимаю поэтов, которые слишком много написали. Например, Евтушенко, на мой взгляд, мог бы написать поменьше и было бы получше, потому что все-таки у него энергии было несколько больше, чем таланта... хотя и большого. А из прозаиков у

С Нелли Скоревой

меня есть внутренние вечные привязанности, очень разные. Могу внезапно снять с полки книгу Фазеля Искандера, забыть вообще обо всем и читать, пока не начитаюсь. Или книжку Битова. Или Владимира Шарова. В школьные годы таким стал Сэлинджер, «Над пропастью во ржи». Если говорить о любимых великих, то, конечно, это Лев Толстой, Чехов...

Но... Как можно учиться у гениев? Чему можно научиться у соловья, даже если ты профессиональный певец? Он – соловей, а ты – тенор или сопрано. Несопоставимо.

Любимые писатели есть, а учителей – нет. С годами появляется личный опыт... вещь опасная. Есть опасение: если долго не пишешь, можешь больше и не смочь писать. Но, может быть, это и к лучшему?.. Писать лично тебе необходимое – правильнее.

Недавно я прочла у кого-то фразу: человек – это не сущность, а течение. Мы постоянно течем, меняясь, как ручей на пути к океану. Нас всех и по-разному меняет ландшафт и скорость жизни. Это когда-то и произошло со мною в жизни. Но и писательство, как и чтение, – нас тоже меняет.

Не люблю всякого рода ужастиков. Смерть, смерть,

смерть... Как говорил Эйнштейн, «почему нужно бояться смерти, это просто перейти из одной комнаты в другую».

Писатель – тоже человек, и, возможно, наиболее «текущий материал», как ртуть. Но ко всему, особенно к большому роману, надо «притечь». Не даром сказано: «Писатель в России обязан жить долго...» Хочу добавить – не только русский.

Главное мое жизненное впечатление – мама.

Была ли мама моим учителем? Она была мой исток, мой новый мир, в который я ахнулась, просто упала из серого мрака, упала в это счастье. Я через нее поняла, что Бог есть. Не потому что она меня учила. У нее было Евангелие с детства, она училась два года в гимназии, и у них был любимый предмет – Закон Божий. Батюшка был хороший – вот и все. У нее – бабушка, у меня мама...

– *Вы назвали дочь именем мамы... Взрастили литературно-го критика. Галина не критикует написанное вами?*

– У нее и по отцу бабушка Галина. Ее способности, мне кажется, скорее от отца...

Нет, она нас «не критикует». На моей памяти ни разу не рецензировала писателя Юзефовича. Потому что – папа. А меня, возможно, и не читает. Нам и

так есть о чем поговорить. Зато я в ее телеграм-канал заглядываю регулярно, как свободный читатель-любитель, и подкасты слушаю, иногда с наслаждением. Галя читатель-профессионал, любящий и уважающий свою профессию. У профессии есть профессиональный кодекс. А я – просто мама, и мне это очень нравится.

– *В чем вы видите свою писательскую миссию?*

– Миссий я не приветствую вообще. Миссионеров побаиваюсь. Я знаю, что у меня не самая обычная судьба, но этого не следует преувеличивать, в двадцатом веке, как и в предыдущих, как и в этом – от тюрьмы и сумы, а также от войны и прочих несчастий зарекаться никому не следовало и не следует. Это – жизнь. Она и такая. Но счастье возможно, всегда.

Мне повезло, у меня есть серьезные основания полагать, что душа бессмертна. Но иногда души болеют и даже погибают при самом, с виду, благополучном существовании. Литература, музыка, архитектура... – не только украшение жизни, но и голос бессмертной души. Вот главное, что я думаю об искусстве.

ДОМ НАВСЕГДА

Документальный роман

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА, ИЛИ – С НОВЫМ ГОДОМ!

Произведение...

То, чего не было, а – есть!

Андрей Битов

Закончился 2025 год, полный планетарных скверных событий – опять пахнет концом света. Возможно, наше время тем и запомнится. Если, конечно, будет кому его помнить... Однако следует помнить, что конец света множество раз почти наступал, но откладывался. Ориентируясь на эту жизнеутверждающую историческую традицию, я как раз закончила первую часть нового романа и начинаю вторую. О чем? Об одном удивительном произведении искусства. О Доме. Новом, роскошном. И – невозможном. В восьмидесятые годы прошлого века, в стране СССР само назначение этого Дома казалось загадкой. Здание не жилое, не казенное, не театральное, не правительственное и огромного зала для съездов КПСС – нет. Произведение архитектуры – и точка. Так и получилось, как писатель Битов сформулировал: не было, не могло быть, а – есть.

Возник в Тбилиси, не в самом центре, на пустынном холме, под которым течет Мтквари (Кура), с трудом вращая турбины Ортачальской ГЭС... Дом категорически не принадлежал эпохе «застоя развитого социализма», но именно в эту эпоху и был построен.

Как и когда я с ним познакомилась? Шел февраль 1987 года. Было холодно, дул невыносимый ветер Сурб Саркис¹, но миндаль уже собирался цвести. Вот тогда, по стечению непредсказуемых обстоятельств, архитектор Гига Батиашвили привез меня к архитектору Виктору Николаевичу Джорбенадзе. Тогда я и увидела дом на холме. Сначала – издалека. Он сиял на фоне вечернего неба, как только что поднявшаяся из-за горизонта крупная вечерняя звезда...

Назову книгу «ДОМ НАВСЕГДА», это уже решено.

Почему?... Читайте – узнаете.

26 января 2025 года

¹ Этот суровый ветер носит имя святого Саркиса, армянского покровителя влюбленных. Его праздник отмечается за 64 дня до Пасхи, между 18 января и 23 февраля. По поверью, в это время начинает расцветать миндаль, но нередко снег идет. Зато по прошествии двух-трех недель в Закавказье приходит настоящая весна, время любви.

ДОМ НА ХОЛМЕ

Часть 1

ПЕРЕМЕНА ЖИЗНИ

Для начала вернемся в далекое прошлое, в СССР.

Со мною случилось так, что я прекрасно помню время февраль-март-апрель 1984 года. Возможно, потому что эти месяцы последовали всего через пару недель после моего переезда с Урала в Грузию. Расстояние – 2684 км.

В начале года я, тридцати шести лет от роду, перелетела из родного города Пермь в город Тбилиси, почти «в заграницу», в края, где у меня не было ни родни, ни знакомых. И, как сейчас бы сказали, на ПМЖ. Повод был прост – развод. Не стану глубже вдаваться в это обстоятельство, упомянула, чтобы подвести черту. Собственно, сам перелет в неизвестность тогда, 40 лет назад, эту черту и подвел.

Переезд был не только незапен, но и, как много чего в СССР, практически невозможен. Хотя бы потому, что огромная наша страна, несмотря на открытость внутренних границ, все-таки кое-чем напоминала подводную лодку с непроницаемыми перегородками. Перегородки были бумажно-законодательные, с печатями и резолюциями множества организаций и ведомств, с бездной согласований и подписей². Но я их при переезде не заметила, как по волшебству. Все вышло само собой, в силу чисто случайных совпадений всего со всем...

² В СССР квартиры не были собственностью жильцов, у граждан существовала в паспортах «постоянная прописка», очень тогда важная и строгая вещь. Чтобы переехать, нужно было разрешение, кроме того, обмен жильем между гражданами обычных населенных пунктов (провинциалов) и гражданами из столиц пятнадцати республик и Ленинграда для провинциалов был практически невозможен, он требовал множества бюрократических согласований, вызова на работу, выхода замуж со штампом в паспорте и т.д., и т.п.

Странно все это. Не то, чтоб я именно в Тбилиси рвалась всю предыдущую жизнь. И в мыслях не было. Просто – *так само вышло*... Настолько *само*, что происходящие тогда случайности можно считать судьбой³... Не стоит ломать голову, каким образом возникновение некоего дома на некоем холме где-то в Тбилиси будет связано с моим перелетом через Кавказские горы. Никаким!

Вот только совпадения той поры и новое, возникающее передо мной пространство, уж очень мною запомнились в подробностях...

Оглянитесь на свою жизнь и

ются люди с уникально яркой и последовательной памятью. Но если у вас с нею не все так блестяще – все равно не огорчайтесь. Это более или менее нормально. У меня, к примеру, только зрительная память хороша, зато на цифры, даты, имена – мягко говоря, не очень. И все-таки я досконально помню февраль-март-апрель-1984. И тот самый Дом на холме, невозможный...

Урал и Кавказ в справочниках определены одинаково, и то и другое – «горный край»⁴. Однако! Урал холмист, лесист, могуч, но в целом – мягок. Кавказ – совсем другое дело.

Но – интересно!

В Тбилиси из любой точки большого, тесно застроенного по склонам ущелий города всегда виден – *не город*. Отовсюду, за любым поворотом улиц или над крышами домов, торчит *свободная природа*, живая, грозная и щедрая. То же и с погодой.

Да и с архитектурой! Неожиданностей – полно. Взять хотя бы здешний ампир, он изящней и легче нашего, но явный ему родственник. Только, в отличие от русского, тутошний усеян совершенно необходимыми в Тбилиси хрупкими, ажурными верандами и балкончиками... А вплотную с ампиром – великолепный, хотя и облупившийся, но не утративший обаяния арнуво. И тоже в балконах. Повернешь за угол – уткнешься в громоздкую, тяжкую сталинскую машину, но за нею – архаичные трущобы, увитые плющом и глицинией, так что у северянина захватывает дух... Вот и у меня по приезде захватывало дух. Разглядеть все сразу было невозможно, но главные черты уникальной гармонии, состоящей из несочетаемого, нельзя было не почувствовать...

Живя в Перми, работая в городской «Вечерке», я время от времени писала «про красоту» и в московские иллюстрированные журналы – «Архитектура СССР», «Декоративное искусство СССР». Мне это нравилось! Возможно, как раз потому, что жила я с моей мамой-художницей, как и многие тогда – «не в красоте», вообще – не важно в чем и как. В *жилье*, имеющем очень смутное отношение к архитектуре и декоративному искусству. В сельском клубе, переделанном из конюшни как бы «под ампир», или в бараке, сложенном из шпал, или в блочной перекошенной девятиэтажке, или в поздней «сталинке» с высоченными потолками, но со срезанными еще при Хрущеве балконами. Да мне и в Тбилиси досталась (по обмену квартир) типовая двухкомнатная «хрущевка»... Но тбилисцы даже к типовым советским пятиэтажкам – легко! – пристраивали самопальные лоджии и балкончики всех мастей. И мне, по счастью, досталась такая лоджия.

ответьте себе на один вопрос: много ли найдется в вашей жизни вечеров, допустим, десятилетней или даже годовалой давности, которые вы помните в деталях, в последовательности событий, в запахах и голосах... Не огорчайтесь, если вообще не найдется. Конечно, случается

Здесь – рядом и не смешиваясь – пропасти и снежные пики, пространства вертикальные не уступают горизонтальным, чаще превосходят. Зной и лед – все суровое, колючее, но и – внезапно – нежное, радостное. Сияющее. Мне это по первости оказалось странно и трудно.

³ «Судьба... Череда пространств, через которые нас пронесит ветер перемен...» – кто сказал? Точно – не я.

⁴ Формирование Горной системы Урал началось в позднем палеозое (350 млн лет назад), закончилось в триасе (200 млн лет назад). Кавказскому хребту – около 25 млн лет. Он молод, могуч и крут.

НВ. Стоп. Это ведь всплыло в моей памяти не только из 1984 года, а из любимого мною в отрочестве романа «Смерть Вазир-Мухтара». Его автор, прекрасный русский писатель Юрий Тынянов, вместе со своим героем Александром Сергеичем Грибоедовым именно так описывал воздушную, растущую как вширь, так и ввысь, хрупкую, но и вечную тбилисскую застройку. Вот так читаешь русскую литературу, и в твоё подсознание проникает (как предчувствие!) – узнавание страны и города, в которых тебе вдруг, да и суждено оказаться...

В Тбилиси дома росли и менялись, как того требовали семейные обстоятельства: бабушка приехала или ребенок родился – значит нужна новая комната для бабушки или младенца. И веранда немедленно превращается в теплую спальню с небольшим окном... Но любое окно в доме в свою очередь может когда-нибудь стать дверью на новый балкончик. А через пару лет все увито плющом или глицинией. Так что и швов не сыскать.

Вот пример – дом в районе

Фото А. Бердичевской

Ваке. К нему сначала был приделан балкончик, который был переделан в лоджию, а лоджия – в спальню или в ванную... А еще к дому пристроили кофейню, у которой пришлось делать дыру в крыше, чтоб выпустить на волю посаженный дедушкой кипарис! Не срубать же его, в самом деле.

Так было всегда... Может, и не слишком надежно, но – человечно. Или, как говорила моя соседка по Тбилиси тетя Тоня (родом из Брянской губернии) – *жизненно*.

В старых кварталах «жизненная жизнь» текла почти по-семейному и не спеша – все друг друга знали. Однако невидимый пульс жизни бился горячо. А уж крупные общегородские события вызывали у тбилисцев просто огненный всплеск энергии и эмоций! Очень скоро по приезду я вполне в этом и убедилась.

В Тбилиси той поры глобальным событием было вовсе не строительство некоего загадочного дома на холме – про него почти никто еще и не слышал. «Что-то строят», – так говорили жители. По-настоящему горожан волновала огромная спасательная, а многим казалось – разрушительная, операция в Старом городе. Этому району, уже давно утратившему все намеки на дренажную и канализационную системы, грозила гибель. Но Старый город под крепостью Нарикала – это ведь СЕРДЦЕ столицы...

НВ. Тбилиси был основан в середине V века от Рождества Христова. С тех времен, за полтора тысячелетия, нашествия (турецких, персидских, северокавказских) было огромное множество. Только Тамерлан в конце XIV-начале XV вв. вторгался в Грузию восемь раз. Старый город не то чтоб всегда выживал, нет... Но он каждый раз возрождался заново, примерно в тех же границах и по тем же своеобразным принципам. Потому что – был нужен как столице, так и всей Грузии, и нужен был как раз таким, каким жил в памяти поколений, то есть всегда. С Майданом, караван-сараями, торговыми и ремесленными рядами, с духа-

нами, наконец – с банями на горячих серных источниках. Там, в Старом городе, сотни лет жили торговцы и ремесленники, шарманщики и духанщики... Кормильцы. Хлеб и Соль, Вино города, его Плоть и Кровь.

И вот всем столичным жителям в начале 80-х годов XX века с полным на то основанием было объявлено: у сердца города – инфаркт. Далеко не первый. Но обширный и, похоже, самый последний... В воздухе даже начал витать устрашающе отважный проект: снести трущобы «до основания, а затем» стремительно, «пятилеткой в три года», построить типовой советский город-сад с квадратно-гнездовой (как картофельное поле) планировкой. И – пожалуйста вам – новое бетонное сердце столицы! Многие горожане по этому поводу за собственные сердца схватились.

Но все пошло совсем иначе. И стремительно. Был утвержден план глубокой реконструкции Старого города и, что важно, без выселения жителей с насиженных мест. При полном их (жителей) понимании того, что всем и каждому предстояло обитать неопределенно долгое время как бы в громадной коммунальной квартире с неработающими водопроводом и канализацией, плюс – в круглосуточном капитальном ремонте, с экскаваторами и отбойными молотками... Весь Тбилиси все это горячо обсуждал, насмехался, не верил, возмущался... Надеялся бог весть на что. И все-таки – был готов терпеть. Чтоб потом все стало как всегда – по любимому, по-старому... Но с водой и с канализацией.

А я, новенькая в Тбилиси и вполне чужая, только что принятая на «работу по договору» в газету «Вечерний Тбилиси» – за всем этим процессом катастрофы и спасения наблюдала с живым интересом. И даже участвовала в нем – в качестве репортера. Снимала происходящее собственными фотоаппаратами «Зенит» и «Любитель» (иногда получалось!), слушая разговоры на улицах, а также по заданию «Вечерки» брала интервью у двух тбилисских ар-

хитекторов, ведущих проект реконструкции.

Звали их Шота Кавлашвили⁵ и Гига Батиашвили⁶...

ГОЛУБЫЕ «ЖИГУЛИ» С РАЗБИТОЙ ФАРОЙ

Как-то в конце февраля иду я под вечер сквозь Старый город по Серебряной улице, раскопанной вдоль и поперек, смотрю под ноги и вижу, как из дренажной траншеи, проще говоря – из глубокой канавы, выглядывает уже знакомый мне архитектор Гига Батиашвили. Усталый, в резиновых сапогах и грязный, как черт, но очень, просто незабываемо красивый – высокий, загорелый, синеглазый, ранняя седина, усы! Он машет рукой, вылезает на поверхность и говорит, как старой знакомой, как будто меня и ждал:

– О, вы вовремя! Я здесь закончил, и прямо сейчас мы с вами поедем недалеко и ненадолго. Меня там ждет Буца. Вам с ним совершенно необходимо познакомиться!

Бог знает, почему батони Гига так решил. Но я согласилась, немедленно.

Рабочий полил из шланга воду Гиге на руки, он скинул сапоги, поменяв их на туфли, и мы пустились в путь в его голубых «Жигулях» с разбитой фарой.

Начинались сумерки. Ехать было действительно недалеко: по мосту Бараташвили через Куру, затем вверх по Винному подъему, с него направо – мимо смотровой площадки со статуей Ваханга Горгасали, и еще правее, за храм Метехи – на улочку с тряской булыжной мостовой...

Сорок лет я знаю этот маршрут, а тогда у меня на стремительном и еще незнакомом пути голова закружилась. Для меня и названий никаких – ни мосту, ни храму, ни подъему – не было...

«ДОМ, ГДЕ ЖИВЕТ БУЦА»

Гига остановился у дома в

стиле, смутно напоминавшем скромный ампир, но с кирпичным полуподвалом. Три ступени крыльца, тяжелая дверь не заперта, за нею еще несколько ступеней вверх, а дальше – анфилада из пяти обшарпанных и совершенно пустых комнат. Тишина. Единственный предмет интерьера был обнаружен в первой из комнат анфилады – китайский резной шкафчик темного дерева с перламутровой инкрустацией.

Гига Батиашвили огляделся и крикнул в пустоту:

– Буца, я пришел!.. Где ты?!

– Даже эхо нам не ответило. Тогда Гига вывел меня на широкую и длинную веранду, тянущуюся вдоль фасада дома. Там мы и обнаружили довольно высокого и крепкого человека, стоящего к нам спиной с дымящейся папиросой в руке. Он опирался на перила ветхой деревянной балюстрады (некоторые из балясин были утрачены). Какое-то время мы стояли молча...

Я, соскучившись, тоже тихонечко вышла к перилам веранды и – отшатнулась! Метрах в тридцати или сорока подо мной бесшумно струилась Кура. Это меня потрясло! Дом безмятежно держался почти на самой бровке отвесного обрыва, лишь тощие кустики отделяли веранду от пропасти...

Сумерки становились лиловыми, на другом берегу зажигались огни. Человек продолжал смотреть куда-то влево, вдаль, что-то он там рассматривал.

Гига подошел ко мне и сообщил на ухо:

– Буца глуховат...

Человек в раздумье стряхнул пепел с папиросы в Куру и неожиданно ответил:

– Я прекрасно все слышу. Гамарджоба... – и повернулся к нам.

Был он немолод, грузноват и

спокоен.

Гига тут же мне его представил:

– Познакомьтесь, это мой коллега, автор нескольких выдающихся архитектурных объектов, историк архитектуры, профессор политехнического института и грузинской Академии художеств, путешественник, историк искусств и лекционер Виктор Николаевич Джорбенадзе...

Меня своему другу он представил кратко:

– Буца, это Ана⁷, она поэт...

Я удивилась. Сразу всему. Пустому деревянному дому с ободранными обоями, одинокому китайскому шкафчику, ветхой веранде над обрывом... И футбольному провищу профессора Академии художеств. А также своей собственной смутной догадке, что писать стихи в Грузии, по-видимому, занятие почтенное. В устах Гиги «она поэт» – прозвучало как сведение важное и даже исчерпывающее. Я, хоть и писала стихи с детства, такого не ожидала. И непонятно было, откуда об этом знал Гига Батиашвили...

Архитектор Буца, коротко глянув мне в глаза, пожал руку. Затем он снова повернулся к нам спиной и махнул рукой с горящей папироской опять влево, вдаль, обращаясь, по-видимому, ко мне:

– Посмотрите, вас это может заинтересовать. Вон там на холме белое белеет!..

Я посмотрела.

Виктор Николаевич обводил папиросой, как указкой, нечто далекое и светящееся. Кончик указки на ветру вспыхивал красным огоньком на фоне мрачного неба и ронял в сумерки табачные искры.

Действительно, за изгибом реки, уже почти исчезающей в темноте, я разглядела освещенное прожектором здание на холме. В жизни таких не вида. Пожалуй, было похоже на замок. Не европейский и не восточный. Какой-то – эльфийский...

Буца помолчал и продолжил:

– Этот дом – мое главное произведение, здание простоит никак не меньше тысячи лет. Исхожу из расчетов коллег и моих собственных.

⁵ Шота Кавлашвили (1926-1995) – главный архитектор Тбилиси в 1970-1974 и 1980-1990 гг. Почетный гражданин Тбилиси (1985). Автор проекта реконструкции Старого города.

⁶ Георгий Батиашвили (1934-2021) – грузинский архитектор, академик. Почетный гражданин Тбилиси (1996).

⁷ В грузинском языке мое имя и звучит, и пишется с одинарной «н». Удивившись, я тогда и заметила это впервые.

Он снова посмотрел на меня, уже внимательно, как бы пытаясь разглядеть, все ли эта русская «Ана-поэт» поняла, поверила ли... Затем, снова повернувшись к дому, добавил задумчиво:

– Может, и гораздо больше, чем тысячу... Когда увидите – поймете, почему это так. Дом практически достроен, идут отделочные работы. Хотите там побывать? Я вам все покажу и объясню, могу отвезти прямо сейчас...

Помню, как мне сразу и страшно захотелось – побывать! Как, видимо, и архитектору немедленно захотелось показать новому человеку свое произведение и *все про него объяснить*. Я в то время как раз почти заканчивала свои собственные «отделочные работы» – ремонтировала квартиру, а мою дочку-второклассницу на новое место жительства еще не привезли, так что в тот вечер совсем нигде меня не ждал... Но «прямо сейчас» – не получилось, вмешался Гига Батиашвили. Он сказал, что шляться по ночам в темном недостроенном здании опасно и неинтересно, потому что – ничего не видно. А кроме того, он приехал к Буце по важному и неотложному делу...

Архитекторы повели разговор на грузинском, я слушала их вполуха, не понимая. Но слушать было и странно, и приятно. Как и смотреть с веранды вниз, на мерцающую, темную реку. И, разумеется, – на Старый город за нею, поднимавшийся к персидской крепости по имени Нарикала... Но более всего – на светящийся белый замок. Слева, вдалеке, на холме.

Виктор Николаевич, он же Буца, беседовал с Гигой по-грузински, и в то же время – безмятежно и неспеша вставлял в розетку штепсель на длинном шнуре, ведущем к электроплитке; она была ржавая, заляпанная и тоже никуда не спешила. Но вот спираль зарозовела под старой как мир джезвой с длинной кованой ручкой, минут через десять запах кофе окутал веранду. Буца снял джезву и поставил на плитку чугунную сковороду, чтоб на ней разогреть, предварительно разломав на три ломтя, хлебную лепешку – не круглую, как бы ромбовидной формы. Я уже знала, что это один из видов местного хлеба, печется в глиняной печи *тонэ* и называется *шоти*, или *шотис пури*.

НВ. Неспешные хлопоты архитектора Джорбенадзе были мне очень понятны и даже близки. В детстве мы с мамой-художницей жили на Западном Урале в деревянном клубе, переделанном из опустевшей конюшни: в пятидесятые годы конюшню обшили смолистой «вагонкой» с местной лесопилни, и она вполне сгодилась под сельский клуб со сценой и киноэкраном. После освобождения из лагеря (статья 58, п. 10) мама нашла в этом заведении работу, да и жилье для нас двоих. Мы жили в гримировочной – в комнате за экраном... И так же, как через много лет Буца, на таких же сковороде и электроплитке мама пекла лепешки – пресные, круглые, толстые. Не тбилисские, татарские. Мною обожаемые. Кофе тогда не водился вовсе, зато был индийский широколиственный черный чай «Три слона». И – грузинский байховый!

На веранде над Курой становилось холодно. В ту первую мою весну в Тбилиси я все время мерзла. Другой, чужой, не уральский стоял в Грузии холод. Февральско-мартовский, очень

За 40 лет этот вид на Старый город с бровки над Курой изменился не сильно...
Фото А. Бердичевской

Памятник архитектору Шота Кавлашвили. Скульптор Т. Кикашвили

разнообразный и переменчивый. Из всех ущелий на город по вечерам дули сквозняки, пахнувшие горными ледниками. На Урале и при минус двадцати было как-то спокойней и теплее. Здесь же в плюс пять руки без варежек мерзли. Но мои легко одетые грузинские архитекторы – нет, не мерзли, с веранды уходить и не думали. Буца включил свет – мутную электролампочку, и у стены обнаружился длинный верстак, на котором валялись какие-то чертежи. Гига их отодвинул в сторону и занялся принесенными с собою бумажками «по неотложному делу», которое два архитектора обговорили в два счета. Затем Буца листики подписал, отодвинул их к чертежам и принялся накрывать на стол – все на тот же верстак. Для меня он произнес по-русски, как бы извиняясь:

– К сожалению, вино кончилось...

И кофе, и горячий хлеб прямо на сковородке, здоровый ломоть острого сыра гуда с пучком незнакомой мне пахучей

травы – на деревянной доске... Еще – соленые перцы в глиняной миске и три разномастные кружки... Эти предметы в самом деле превратили грубые доски верстака в накрытый к трапезе стол. Буца вздохнул и, как бы завершая дело, произнес, обращаясь к Гиге:

– Ну, что ж... Масэ икос! Пусть так будет!

– Пожизненно, – добавил Гига.

О чем это было сказано?

Я еще не знала перевода на русский слова «икос», но на тбилисских улицах оно звучало тогда довольно часто и, как мне казалось, как раз и означало что-то вроде «пусть будет». То есть некое согласие, подведение итога. Но «икос» звучало как-то особенно весомо, почти ритуально.

Кто знает, что важно? И почему мелкие детали могут вдруг вспомниться с изумительной ясностью через сорок лет?..

Но именно тогда, за тем столом-верстаком, стало для меня совершенно ясно: мне просто

необходимо будет вернуться снова на эту веранду. И как можно скорее – лучше прямо завтра! Вот в это случайное, зыбкое и старое место. Чтоб снова весенний холод, горячий хлеб и – далекий эльфийский замок на холме, на фоне лилового неба.

Тогда и возникло, застряло навсегда в моей памяти два «объекта почитания»: «Дом, в котором живет Буца» и «Дом, который построил Буца». Очень, очень разными были эти дома, но связь между ними была очевидна.

На веранде горячий кофе и разогретый хлеб пахли изумительно, сыр гуда и перец щекотали ноздри, есть хотелось ужасно, так что мы втроем на скорую руку с удовольствием поужинали чем бог послал.

Так все тогда и закончилось.

На самом же деле – все как раз только что началось...

Продолжение следует

«ВСЕ УЖЕ ПРОПИСАНО В ВЕЛИКОЙ ПЬЕСЕ...»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

У нас в гостях интересный собеседник – актер, режиссер, педагог, советник ВГТРК «Культура», интеллектуал Игорь Валерьянович Пилиев, посвятивший свою жизнь театру и телевидению. В 1980-1996 гг. служил актером и режиссером Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова; с 1997-го – в Москве: режиссер отдела оформления канала и анонсов, руководитель службы анонсов и межпрограммных проектов, заместитель директора Дирекции ГТРК «Культура» по информацион-

ному вещанию, заместитель директора ГТРК «Культура» – директор Дирекции информационных программ.

– *С чего для вас начался театр? Из каких детских, юношеских впечатлений родился интерес к сцене?*

– В Грузии внешкольному воспитанию всегда придавали сакральное значение. Это было не просто дополнением к аттестату, а неотъемлемой частью жизни, мощным катализатором, пробуждавшим в нас самые неожиданные увлечения. Началось

все в младших классах, когда нас возили в Театр кукол на проспекте Плеханова. Я навсегда запомнил тот миг, когда автобус замирал, двери открывались, и нас встречали величественные (как нам тогда казалось) атланты, державшие в руках электрические факелы. Как же истошно, до срыва связок, мы вопили, пытаясь предупредить кукольного героя о надвигающейся беде! Особенно самозабвенно мы «выкладывались» на «Трех поросятах». Этот спектакль был поставлен по сказке Сергея Михалкова, впервые опубликованной в «Пионерской правде» еще в 1936 году. Сюжет, заимствованный из английского фольклора, по сути, был пересказом гениального мультфильма Уолта Диснея «Three Little Pigs». Именно для диснеевской версии Фрэнк Черчилль и Энн Ронелл написали легендарный мотив «Who's Afraid of the Big Bad Wolf?», который в переводе Сергея Владимировича стал гимном нашего детства: «Нам не страшен серый волк... Где ты ходишь, глупый волк, старый волк, страшный волк?» Позже эстафету перехватил ТЮЗ – там мы тоже не стеснялись громко подсказывать артистам, как им следует вести себя на сцене. Мы были завсегдаями Государственного музея истории Грузии на проспекте Руставели и Музея искусств на Пушкинской. Но особое, мистическое волнение охватывало меня в Театре оперы и балета. Перед началом и в антрактах я, завожженный, блуждал по бесконечным лабиринтам фойе, перемещаясь с этажа на этаж. Из всего репертуара моим фаворитом был «Фауст» Шарля Гуно, а кульминацией – куплеты Мефистофеля. По всей сцене составляли напольные светильники: в их чашах трепетали легкие лоскутки ткани, подсвеченные багровым светом. Снизу каким-то неведомым образом подавался воздух, и ткань начинала плясать. Голливуд со своими спецэффектами пусть нервно курит в сторонке! Это была настоящая преисподняя! Геенна огненная! «Джоджохэти», говоря по-грузински! Оркестр творил нечто дьявольское, а певец в красном плаще, обла-

датель глубокого, рокошущего баса, провозглашал: «Люди гибнут за металл! Сатана там правит бал!» Уверен, это самый узнаваемый эпизод мирового оперного репертуара. А в спектакле Грибоедовского театра мне врезалась в память сцена с участием ослепительно красивой актрисы. Она сидела на скамейке и говорила что-то, глядя прямо в зал – как мне казалось, именно на меня. Мне нравились ее глаза, голос и колени. Иногда она замолкала, с улыбкой поворачивалась к своему сценическому партнеру, которому явно нечего было сказать в свое оправдание (он ужасно переживал), и, легко пожав плечами, снова переводила взгляд в мою сторону. Спустя годы я узнал в этом образе восхитительную Нелли Килосанидзе. Я никогда не спрашивал ее о том спектакле: мне это было не нужно. Я не сомневался: это была Она! 5 ноября я поздравил ее с днем рождения. В этом году Нелли исполнилось – дай Бог ей здоровья и многая лета – 90 лет! Я напомнил ей нашу «любовную историю», случившуюся уже на сцене, в спектакле «Старый дом» по пьесе Алексея Казанцева (постановка Гизо Жордания). Я играл Олега Крылова, а Нелли блистательно исполнила роль Юлии Михайловны – задача архисложная! Про талантливых детей часто говорят: «Они опережают свой возраст». Попробую вывернуть эту фразу наизнанку: Нелли восхитительно «отстает» от своего возраста – на десятки лет! Она молода, красива, доброжелательна и остра умом. Гениальная актриса, грузинская Одри Хепберн! Отсылаю всех читателей к книге о ней – «Чудо самообладания». Кстати, обожаю Гелю, дочь Елены Александровны, и горжусь дружбой с ней.

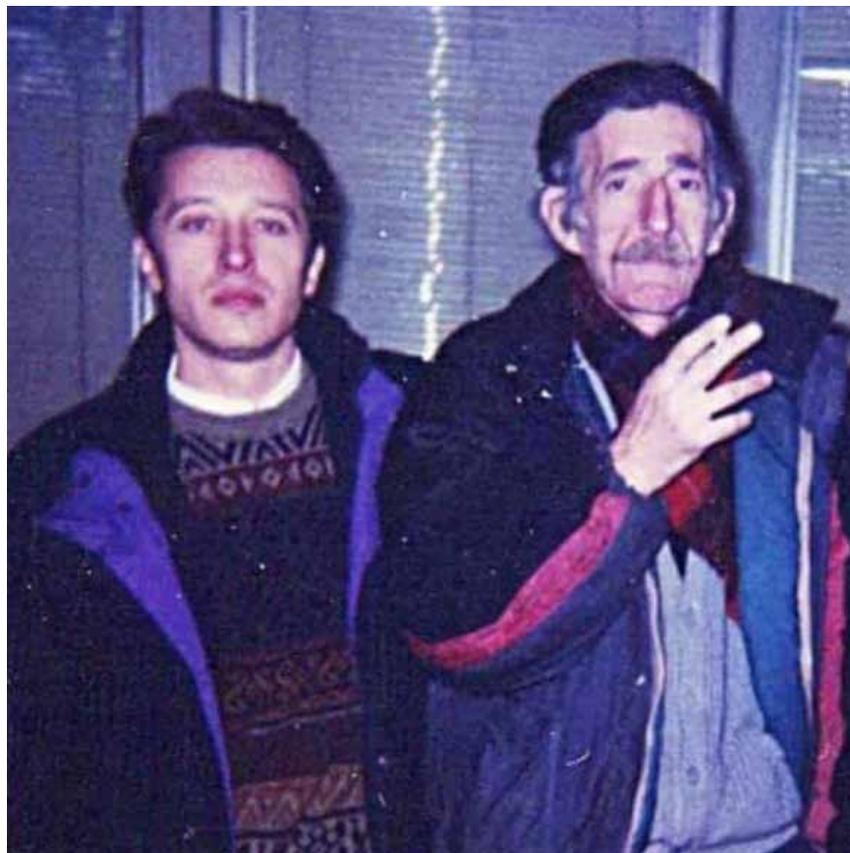
Вообще огромную роль в нашем становлении играла уникальная система кружков. Она опиралась на серьезную методическую базу и пронизывала все: школы, Дома пионеров, ведомственные ДК (Клуб железнодорожников, Дом офицеров). А на вершине этой пирамиды сиял тбилисский Дворец пионеров и школьников. Там было все, вплоть до собствен-

ной детской киностудии. Именно там родился легендарный ансамбль «Мзиури»! В вашей книге «Магическое “если бы”» Гайоз Вуколович Жордания вспоминает, что ему не приглянулся центральный Дворец, и он предпочел театральный кружок в районном Доме пионеров на Авлабаре. И это показательно: работа кружков была тотальной, она охватывала любые интересы, от науки и техники до языков, творчества, спорта и краеведения. Я и сам в школьные годы какое-то время посещал радиокружок. Помню Роин-маса (прим. мас – обращение к учителю – груз.), одетого с иголочки, всегда при галстукке. Он учил нас паять, приговаривая как заклинание: «Гетеродин! Гетеродин!» Это было удивительное время: радио переживало расцвет, эпоха телевидения уже наступила, а в кинотеатрах крутили великие фильмы. Когда Нона Гаприндашвили, воспитанница Вахтанга Карселадзе из Дворца пионеров, в 1962 году завоевала корону, она установила мировую шахматную гегемонию Грузии на десятилетия вперед. Разумеется,

при первой же возможности я тоже записался в шахматный кружок! У директора моей школы была возможность нанимать профессиональных актеров для театральных и тещких кружков. Мы занимались грузинскими и бальными танцами, сколачивали вокально-инструментальные ансамбли, пропадали в спортивных секциях. Я играл в футбол, занимался баскетболом и запоем читал «Библиотеку приключений». Книжный шкаф с классическим набором томов и пианино стояли тогда в каждой грузинской семье.

– Решение поступать в театральный вуз было взвешенным? Или существовала альтернатива?

– Альтернатива была! А вот взвешенного решения – нет, категорически нет! Я грезил режиссурой кино. То была эпоха великого кинематографа, и ничего принципиально нового с тех пор так и не возникло. Судите сами: шедевры Феллини появились еще до моего рождения, а в год окончания мною школы вышел «Амаркорд». Когда гремели «Ночи Кабирии», мне не было и года. А когда вышла «Сладкая жизнь» (фильм, ко-

С художником Айвенго Челидзе

Сцена из спектакля «Жестокие игры»

торый одна итальянская газета в ярости окрестила «Омерзительной жизнью», Марчелло Мастроянни чуть не линчевали, а в Лицо Феллини – произношу с большой буквы, ибо это великое Лицо – плюнул возмущенный зритель), мне было всего три с хвостиком! «Рокко и его братья» Висконти вышел тогда же – мне четыре. «Аккатоне» и «Мама Рома» Пазолини – мне пять и шесть. Из экономии времени и места удерживаю себя, не продолжая этот список и намеренно не перехожу к французам. Точка. Я и сегодня нахожусь под влиянием этих ангелов и по убеждениям отношу себя к фрейдомарксистам! Так что поступление в театральный – это случай. Я серьезно готовился во ВГИК: штудировал литературу, учил наизусть, писал письма в Москву, готовил фотоработы для творческого конкурса. Но был у меня товарищ, который в тяжелой форме «болел» битломанией. Он знал наизусть все песни (а это, между прочим, английский очень высокого уровня!) и жадно следил за всем, что касалось легендарной четверки. Надо сказать, это была отдельная тбилисская субкультура, неформальное братство, объединявшее молодежь разных национальностей и социальных слоев; мощное движение с высоким эмоциональным накалом.

Я не случайно в предыдущем ответе задержался на уникальной системе кружков. По сути,

она включала защитные механизмы психики, снимая внутреннее напряжение. Это была своего рода сублимация, способ выхода из фрустрации в сложном пространстве Тбилиси, где идеологические, религиозные, социальные и этнические оппозиции исторически сплетались в причудливую конфигурацию. Через школы, Дома пионеров и клубы советская номенклатура расширяла пространство дозволенного. Так вот, мой товарищ по фамилии Джаиани просил называть его Джоном. Он буквально жил в образе Леннона: круглые очки, прическа... Внешнее сходство было поразительным! Однажды, гуляя по проспекту Руставели, мы миновали оперу, прошли «чековый» магазин «Цицинатела» и уперлись в огромную толпу молодых людей, бурлившую, не доходя до театра Руставели. Мы остановились. «Джон Леннон» вдруг говорит: «Мне надо сюда зайти. Подожди, а потом пойдем поедим аджарские (прим. хачапури по-аджарски)». Вдруг двери распахнулись, всех начали приглашать внутрь. Товарищ подхватил меня, и мы, увлекаемые потоком, стали подниматься по лестнице. Так я оказался в Театральном институте, на консультации у Сандро Товстоногова. Он сидел за столом в модном кожаном пиджаке. Мы встретились взглядами. Аудитория была забита до отказа! Начались читки. К столу выходили «великие артисты» и с пафосом

читали монологи из мировой классики. Чередой шли Гамлеты, Отелло, Ричарды, Бароны из «Скупого рыцаря». Девушки заламывали руки: то Нина Заречная («Я чайка, я актриса!»), то Настасья Филипповна («Да что ты орешь-то? Я еще у себя хозяйка!»), то Катерина («Отчего люди не летают?»). Кто, кто... Дед Пихто! За плечами у многих был опыт любительских спектаклей, поэтому читали «с чувством» и «со значением». В паузах повисала тишина, а я застывал в немом изумлении. Справедливости ради отмечу: в тбилисской самодеятельности и занимались, и работали весьма талантливые люди. В конце прослушивания Сандро сказал что-то про великие традиции русского реалистического искусства, а мне, выразительно похлопав себя по карману пиджака, предложил прийти в следующий раз. Так я попал под его влияние. Кстати, когда я вышел на улицу, найти «Джона Леннона» уже не смог. Он исчез. Легко ли я поступил? Возможно, да. Ведь я готовился поступать во ВГИК. На экзамене Рэм Давидович Шаптошвили, декан факультета, спросил, в чем переводе я читал стихотворение Артюра Рембо «Головокружение». «Антокольского», – ответил я. Он радостно зашипел: такой у него был специфический голос – выразил одобрение.

– Расскажите о ваших учителях в профессии. В конкретном и более широком понимании этого слова.

– В конкретном – это великие мастера сцены: Сандро Товстоногов – безусловный ориентир, Додо Алексидзе и, конечно, Темура Чхеидзе! Но у меня есть и духовный наставник, гуру – режиссер Гулсунда Сихарулидзе. С особой благодарностью готов перечислить всех педагогов Тбилисского театрального института. Институт для меня – родной дом, профессиональный фундамент. И, разумеется, артисты старшего поколения Грибоедовского театра. Хочу отдельно вспомнить имя, незаслуженно забытое, – Эсфирь Борисовна Шерман. Она была моим дорогим педагогом по сценической речи.

Инна, я вам бесконечно бла-

годарен! Вы как руководитель музея осуществляете колоссальную научно-исследовательскую деятельность! У лучших театров мира, смею сказать, нет таких подвижников! Именно на сайте виртуального музея – на исторических афишах спектаклей, которые в разные годы шли на сцене Грибоедовского театра, я нашел имя Эсфири Борисовны! Она играла еще у Товстоногова-старшего.

– Как складывались ваши отношения, сотрудничество с грузинскими деятелями культуры?

– С ними меня связывают прочные, поистине братские отношения. Чтобы не быть голословным, хочу процитировать доктора наук, профессора Лелу Очиаури, которая в своей публикации признала историю Грибоедовского театра неотъемлемой частью истории грузинской культуры. Исходя из этого постулата, могу смело заявить: со многими выдающимися мастерами культуры меня объединяют глубокие личные и творческие связи. Что же касается сотрудничества, здесь всегда есть место для новых идей. Главное условие – интересное предложение.

– Откуда появилось желание заняться режиссурой? Из разочарования в актерской профессии? Из амбиций? Ведь режиссура – это как бы следующая ступень в существующей театральной иерархии. Или вы так не считаете?

– Я не просто так не считаю – я категорически не согласен! Режиссура как следующая ступень в театральной иерархии – это архаизм, пережиток советской, номенклатурной театральной системы. В той структуре театры, с одной стороны, напрямую подчинялись профильному ведомству, а с другой – контролировались отделами ЦК КПСС, которыми руководил секретарь по идеологии. Строй давно поменялся, а этот иерархический атавизм до сих пор жив. Мое желание режиссировать не было порождено разочарованием в актерской профессии. Я изначально хотел снимать кино, но встреча с Сандро Товстоноговым изменила этот курс. У меня не может быть разочарования в актерах – я сам играл

на сцене, но никогда не считал себя актером в классическом смысле. Напротив, мое уважение к артистам не просто глубокое – оно с годами лишь возрастает. Что и говорить, сегодня актерская профессия – одна из труднейших, она имеет прямое отношение к высоким технологиям и общественным процессам. Не забывайте: артисты поют в опере, танцуют в балете! Артисты – это шоу-бизнес, кино-бизнес, и, что особенно важно в наше время, артисты участвуют в политехнологиях!

– Как вы сегодня вспоминаете свои первые режиссерские опыты? Вы же всегда были нацелены на сценический поиск, эксперимент.

– Спасибо большое. Поиск для меня всегда был целью, но никогда – самоцелью. Эти слова – антонимы. Самоцель – движение вспять. В качестве лингвистического примера: антонимом слова «значительный» является не «незначительный», а «многозначительный» – и это свойство приставки. Поиск же стремится к пониманию. Понимание – главное и в культуре, и в жизни. Обезьяна с кистью у мольберта, увь, стремится лишь к банану, а не к пониманию... Что касается эксперимента – это не выбор, а незыблемая грибоедовская традиция! Русский театр в Грузии, со дня основания более 180 лет назад, всегда работал в пространстве «сильного» титульного языка и культуры – культуры,

которая позволила людям выжить в труднейших исторических бедствиях. В этих условиях Грибоедовский театр никогда не был номенклатурным. Поэтому спектакли Русского театра в Грузии всегда носили экспериментальный характер, и именно в таком качестве театр был жизненно востребован аудиторией.

– Вы стали успешно заниматься режиссурой в Грузии. И вдруг ваша судьба делает резкий поворот. Вы уезжаете в Москву, начинаете работать на телевидении. Был ли это болезненный процесс адаптации в другой, незнакомой, в общем, сфере?

– Вы правы, смена вектора была резкой. Был ли это болезненный процесс адаптации? Я об этом еще не думал, потому что процесс адаптации, по сути, продолжается до сих пор. Однако сфера деятельности для меня не была незнакомой. У меня за плечами был значительный опыт работы на Грузинском телевидении, а также на легендарной студии документального кино «Мематиане». Что касается Москвы, то на телеканал «Культура» я пришел со дня его основания. Каналом руководила Татьяна Олеговна Паухова – без преувеличения, масштабная фигура на телевидении. Она была создателем целого ряда знаковых программ, таких, как легендарная «Вокруг смеха» с Александром Ивановым. А ее авторский цикл «Богема» с участием выдающихся деятелей

Сцена из спектакля «Старый дом»

Сцена из спектакля «Чудная баба... Ехай!»

мировой культуры отличался подлинно новаторской манерой ведения.

– Вас увлекла работа на ТВ? Чем вы конкретно занимались?

– Меня приняли на должность режиссера отдела оформления телеканала и анонсирования программ. Это ключевая работа: разработка фирменного стиля и продвижение контента. Работа напрямую связана с прямым эфиром, поэтому времени на «раскачку» или адаптацию не было совершенно! Меня сразу захватил этот динамичный круглосуточный процесс, который формирует визуальный образ всего канала.

– С кем на телевидении вас связали дружеские отношения?

– Со многими замечательными людьми. Анатолий Геннадьевич Иксанов работал у нас на канале незадолго до своего назначения генеральным директором Большого театра. Пребывание Иксанова было кратким, но этого хватило, чтобы оценить масштаб его личности! Однажды его внук, еще совсем малыш, сказал ему: «Дедушка, ты – царь!». Теперь во время пурмарилы (прим. застолий – груз.) мы можем позволить себе шутить, вспоминая эту фразу! Среди моих коллег – Наталья Приходько, один из лучших редакторов на всем российском телевидении. Екатерина Андроникова – удивительный человек, дочь выдающегося Ираклия Луарсабовича. Особо хочу выделить Валентина Григорьевича Тернявского. Его не стало несколь-

ко лет назад, но он был выдающимся деятелем телевидения. Он делал знаковые программы еще при Сергее Лапине – в частности, знаменитые концерты ко Дню милиции, а затем – новогодний «Голубой огонек». Я очень дорожил дружбой с ним.

– Что скажете о сегодняшнем театре? Что вас напрягает или, наоборот, увлекает в новых театральных процессах?

– Меня всегда увлекало творчество Роберта Уилсона. Телеканал «Культура» был создан в 1997 году, а в 1998-м состоялся Чеховский фестиваль, который был посвящен 100-летию МХАТа. Я пошел на автора, не имея никакой предварительной информации, и посмотрел «Игру снов» Стриндберга в постановке Уилсона. С тех пор я следил за его работами. К слову, он успешно ставил и оперы. В театре меня ничего не напрягает – только радует. Про «театральные процессы» я не берусь судить, но спектаклей, которые меня поразили, было довольно много. Практически все, что привозил на Чеховский фестиваль Валерий Иванович Шадрин – выдающийся театральный и общественный деятель. Он был фигурой мирового уровня. Я его не просто уважал – обожал. Вне всякого сомнения, самым ярким театральным впечатлением последнего времени я назову моноспектакль «Чую Радуницу Божью...», посвященный 130-летию Сергея Есенина. Спектакль, который был приглашен для участия в

XXIII Международном театральном форуме «Золотой Витязь». Инсценировка, режиссура, сценография, костюмы, музыкальное оформление и исполнение – все принадлежит Валерию Хаятченко!

– Что вам нравится и не нравится в современном телевидении?

– Телевидение – одно из величайших изобретений XX века. Оно, как прикладная наука, постоянно и очень динамично развивается. И вся эта трансформация, которая прошла буквально на наших глазах, поражает воображение, согласитесь. Мне нравится в нем все, и особенно то, что его развитие продолжается.

– Вы что-нибудь поменяли бы в своей судьбе, будь ваша воля?

– Судьба – это то, что изменить нельзя. Судьба – только твоя дорога. И если бы у меня была возможность вернуться, нет... не поменял бы ни единого шага.

– Что вы считаете своим самым большим достижением?

– Вопрос тринадцатый... Что ж, можно и промолчать. Грешным делом, всю жизнь мечтал о «железяках», то есть о высоких орденах, но дали мне лишь медаль ордена. Похоже, после смерти за гробом придется нести скромные чустики (прим. тапочки – груз.).

– Если бы вам сейчас предложили поставить какой-нибудь спектакль, какой материал выбрали бы для постановки?

– «Волшебную флейту» Моцарта. Опера способна вместить в себя сегодняшний мир и, если и не осмыслить его полностью, то максимально полно выразить. К слову, у Джона Адамса, автора оперы «Никсон в Китае» (которая мне очень нравится), есть опера «Цветущее дерево», написанная по мотивам той же «Волшебной флейты». Литературе же для глубокого художественного преломления современности требуется временная дистанция. Да, еще поэзия это может и делает. Сегодня – расцвет! Анна Гедымин, Феликс Чечик, Володя Александров – выдающиеся поэты!

– Вы широко образованный человек. Что происходит интеллектуально лично для вас в современном изобразительном ис-

искусстве, литературе, кино?

– Думаю, много интересного. Про кино вы знаете: фестивали помогают ориентироваться в этом потоке. Литература тоже великолепна. Я прочел отличную книгу Максима Жегалина «Бражники и блудницы. Как жили, любили и умирали поэты Серебряного века». Сейчас читаю нашумевший «Палаццо Мадамы» Льва Данилкина. Мне нравится. Что касается современного искусства, оно очень интересно, но после того, как придушили Московскую биеннале, мне, к сожалению, нечего сказать. Я могу говорить только тогда, когда имею впечатление от самого произведения искусства, а не от репродукции. Именно поэтому ярким событием прошлого года для меня стала монографическая выставка Бориса Кустодиева в Третьяковской галерее, на которой были представлены ключевые живописные и графические произведения автора. Это было восхитительно!

– Любите ли вы путешествовать?

– К путешествиям равнодушен. Люблю Францию, Италию и Германию – как страны великих музеев. Великолепные собрания есть и в Америке.

– Как вы воспринимаете перемены в своей жизни, когда такие случаются?

– Хорошие перемены я обожаю. – Что помогает вам справиться в сложном и очень жестком мире?

– Люблю плавать и висеть на турнике.

– Боитесь ли смерти?

– Отношение к событию, которое неизбежно, заложено в нас от рождения. Все уже прописано в великой пьесе, где именно вы являетесь действующим лицом.

– Какую роль в вашей жизни играла любовь к женщине?

– Слово «любовь» сегодня чрезмерно используется по отношению к чему угодно, хотя единственное, когда его можно применять в своем высоком и подлинном значении, – это, безусловно, любовь к женщине! Отвечаю: роль этой любви была огромной, и она продолжает быть таковой!

– Вы одиночка по складу лично-

Игорь Пилиев, Наталья Приходько и китайские продюсеры в павильоне телевидения Китая

сти или нуждаетесь в общении?

– Я одиночка. Но в этом заключается парадокс: я столь же остро нуждаюсь в общении.

– Последняя прочитанная вами книга и увиденный спектакль?

– С книгой мы уже выяснили: «Палаццо Мадамы» читается неспешно, поскольку в ней 600 страниц. Увиденный спектакль – «Чую Радунцу Божью...». Мы стояли с Ларисой Некипеловой и увидели Валеру Харютченко до начала, а потом, после спектакля, когда зашли в примерку, он был преобразенным, лучезарным, сильным! Получилось, что не он играл Есенина, а дал возможность образу Есенина через себя явиться нам. Это было настоящее чудо перевоплощения. И все зазвучало свежо и современно. Спектакль обозначен как посвящение 130-летию Сергея Есенина, но не в этом дело, не в дате. Иначе была бы еще одна дата, которая, учитывая всем известные трагические обстоятельства, чувственно более насыщена и даже уникальна, чем полукру-

глая годовщина. Его не стало в 30 лет, ровно 100 лет назад, в 1925 году, 28 декабря. Но Валера молчит об этом. Значит, ответ не в календаре. А где? Может, «между сосен, между елок, меж берез кудрявых бус, под венком, в кольце иголок...»? А, нет? «Мерещится Иисус»?

– Часто ли вам приходилось наступать на горло собственной песне?

– Наступать на горло собственной песне, на мой взгляд, нужно! Ну, хотя бы для того, чтобы сначала подумать, а уже потом сказать.

– Как строите отношения с предавшими вас людьми, если такие были в жизни?

– Согласно одному жизненному принципу: «Все прощать, но ничего не забывать».

– Чем вы больше всего дорожите, если не говорить о близких?

– Если не говорить о близких, то я больше всего дорожу добрым отношением ко мне. Пожалуй, это самое ценное, что можно заслужить.

Кети Долидзе

ТО, ЧТО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Как мы восхищаемся Тбилисским международным театральным фестивалем искусств «Gift» имени Михаила Туманишвили! Как любим, ценим и уважаем его создателя и бессменного художественного руководителя на протяжении всех лет его существования, актрису и режиссера Кети Долидзе! Мне повезло – я была на самом первом фестивале в 1997 году и с тех пор не пропустила ни один, не уставая каждый раз благодарить замечательную, талантливую, энергичную, смелую Кети за возможность пообщаться к самым лучшим образцам мирового театра и искусства – вопреки всему! Проведение фестиваля «Подарок» для Долидзе и ее команды всегда было архисложной задачей – но и огромной радостью, которой она щедро делилась со всеми нами. Не верится, но этой фантастической женщине, по-прежнему полной идей и вдохновения, исполнилось 80 лет! Мы поздравляем Кети от всей души и желаем ей сил, здоровья, удачи для новых дел, новых фестивалей, ролей, спектаклей.

ТАЙНА, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ БУДЕТ РАСКРЫТА

А нынешний фестиваль «Са-чукари»-2025 завершился... Открыл его уникальный театр

буто «Санкай Дзюку», созданный «автором феноменальной бессловесной мистерии» Усио Амагацу. Так его назвал журналист Борис Заборов в своей повести «То, что нельзя забыть». Он написал в ней как раз о спектакле, показанном в Тбилиси – «Мегури». Это и правда то, что нельзя забыть: странно, медитативно-завораживающе, невыразимо прекрасно. Пять лет назад тбилисский зритель уже медитировал вместе с «Санкай Дзюку» и Усио Амагацу: легендарная труппа тогда показала спектакль «Семена Кумквата». Вот мое тогдашнее впечатление: «В «лунном» свете (лунной дымке) движутся мужчины с выбеленными лицами. Их полупрозрачные, ирреальные или существующими на грани двух миров. Рисунок их слегка замедленных движений прихотлив, изысканно-причудлив (красавец-павлин, участвующий в спектакле, также добавляет стилистике представления толику рафинированности), от него невозможно отвести глаз – ты весь во власти какого-то наваждения, гипноза. По словам самого Амагацу, «любое движение начинается не с музыки, а с тишины. Это дает возможность сконцентрироваться на внешнем космосе и в то же время

ощутить внутренний мир. Танцоры на сцене находятся в состоянии, которое можно назвать «небытие». Их глаза прикрыты, эмоции не проявляются».

Не открою никаких Америк, если скажу, что танец буто, родившийся после Второй мировой войны, соединил японскую и европейскую традицию. Он возник на основе японских философских, религиозных, эстетических взглядов и некоторых установок философии дзэн-буддизма и раскрывает, углубляет некоторые ее аспекты. Это касается психоанализа и работы с бессознательным. Японское в буто – традиционные виды исполнительских искусств, такие как театр Но и Кабуки. Но танец буто – это и влияние Запада: имеется в виду сюрреализм, психоанализ, немецкий экспрессивный танец.

Это – теория. А в спектакле почти бесплотные мужские фигуры беловато-песочного цвета (сама сцена покрыта песком), с выбритыми наголо головами, в длинных, в пол, одеяниях, прикрывающих только нижнюю часть тела, замедленно передвигающиеся, с необыкновенно выразительной, своеобразной пластикой рук, обращенные то к земле, то к небесам, время от времени открывающие рты, словно от жажды, ни на секун-

ду не отпускают нашего внимания. В моем восприятии это отнюдь не люди из плоти и крови, а какие-то сущности на грани двух миров, или отвлеченные идеи жизни, смерти, возрождения. Тайна, которая никогда не будет раскрыта.

АНДРЕ И ДОРИН. ИСТОРИЯ ЛЮБВИ И СМЕРТИ

Эта душеспитательная история, понятная и близкая каждому, кто сидит в зале, остается в душе надолго. Не потому, что старость и болезни неизбежны (если, конечно, повезет дожить до преклонных лет), но потому, что всем людям, без исключения, нужны любовь и забота тех, кто рядом. Особенно в те дни и часы, когда нагрянет беда.

Удивительный коллектив Kulunka Teatro (Эрнани, Испания), созданный молодыми артистами Гарбинье Инсаусти и Хосе Даулт в 2010 году, представил свой «спектакль для семейного просмотра» «Андре и Дорин». Режиссер – Иньяки Рикарте, сценография – Лаура Элисева Гомес, маски – Гарбинье Инсаусти, музыка – Йайо Касерес, свет – Карлос Саманьего «САМА», костюмы – Икерне Хименес.

Кому-то покажется странным, что молчаливые актеры, скрытые за шаржированными масками, сумели так впечатлить зрителей, что они покидали зал взволнованные и удрученные. Оказывается, простые физические действия исполнителей, их жесты, сами узнаваемые эмоциональные – смешные и печальные – ситуации, чувственно-нежная музыка могут сотворить настоящее чудо.

Это, конечно, история любви мужчины и женщины. Вспомним известное: «Слава безумцам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец!» Но это еще и история жизни человека как такового. Притча о ее быстротечности, о том, как необходимо дорожить каждым мгновением бытия и друг другом, пока не настанет последний час. Но это еще и спектакль о жестокой правде жизни: как часто она бывает некрасива и даже безобразна и сколько при этом требует от нас мужества, терпения, любви.

Андре и Дорин. Он писатель. Она играет на виолончели. Оба влюблены не только друг в друга, но и в свое дело. И счастливы настолько, насколько могут быть счастливы люди на земле. Хотя до поры до времени и не осознают этого – рутина поистрепала чувства. Но вот приходит несчастье: болезнь Альцгеймера... Мы видим, как Андре сначала не желает поверить в неизбежность, смириться с диагнозом любимой жены. Но реальность заявляет о себе прямо и без сентиментов. Как это обычно и бывает. Пришла беда – отворяй ворота. И Андре остается, по сути, один на один с несчастьем (есть еще любящий сын, но он лишь иногда появляется в доме родителей). Спасением для него в этой ситуации – как, впрочем, и всегда – становится творчество. Каждый день сопротивляясь неотвратимости, Андре пишет книгу о своей Дорин, об их любви (Мы видим на сцене ожившие воспоминания о первых днях знакомства будущих супругов – чистых, наивных, влюбленных). А ее угасающий разум цепляется за музыку – до последнего Дорин прикасается к струнам своей виолончели, ища в ней надежду и защиту. В футляре инструмента и хоронит жену Андре (Конечно, это метафора, и какая!). А вскоре сам покидает наш бренный мир: герой просто выходит в другую комнату, и все становится понятно.

В ФОКУСЕ – ИТАЛИЯ

На фестивале «Подарок» тбилисцы познакомилась с подлинными энтузиастами и профессионалами театрального

дела – драматургом, режиссером Марко Мартинелли и его супругой, актрисой Эрманной Монтанари. Сначала это узнавание произошло во время «хоровой мастерской» – на воркшопе «Очищение поэта», посвященном «Божественной комедии» Данте Алигьери. И величайшая поэма прозвучала в форме живого, гражданского ритуала, в котором приняли непосредственное участие молодые грузинские актеры и зрители. «Содержание поэмы универсально и разворачивается на всех широтах земли. Все мы знаем, что означает «потеряться в лесу», когда ты на грани погружения в водоворот тревоги, когда на губах ты ощущаешь привкус смерти. Это ведь испытывали все? И в этот момент Данте берет нас за руку, шепотом говорит: «Я тоже паломник, я тоже беженец, я тоже, как и ты, потерял свой путь...» Давайте отложим в сторону риторику великого отца итальянского языка и литературы, отложим в сторону монумент, который в чем-то мешает нам. Данте и его «Божественная комедия» – суть нечто великое, потому что одновременно представляет собой роман, кино, психоанализ, голос природы, театр, алхимию песни, искусства, и это не может не поразить воображение. Но в первую очередь Данте – человек, который открывает нам тайны человеческой души: «Я снова нашел себя. И это мой брат, смертельно раненный, который показывает новый путь нашей жизни», – говорит Марко Мартинелли.

Мы узнали итальянца Мартинелли не только как глубокого

«Мегури»

«Мать»

исследователя и популяризатора творчества Данте, создателя Teatro delle Albe в городе Равенне, но и как кинорежиссера, снявшего документальный фильм «Er» о творчестве своей жены, талантливейшей актрисы Эрманны Монтанари. Это картина-посвящение, в которой показана театральная лаборатория – вернее, путь творца от образа к образу, от спектакля к спектаклю. Мартинелли смонтировал эпизоды из семи театральных работ Эрманны разных лет, соединив их символической дорогой жизни и творчества, по которой актриса стремительно шагает. В этих «переходах» от роли к роли мы видим Эрманну только со спины. Становимся свидетелями бесконечного движения, непрерывного процесса созидания с остановками на очередной фрагмент спектакля, в котором актриса предстает в новом женском образе. Федра, мамаша Убю, Белда, Тонина Пантани – мать итальянской звезды велоспорта, легендарного Марко Пантани, умершего в 2004 году от передозировки кокаина... Яркие, трагические образы! Среди них – даже убийцы... Видеоматериалы позволили оценить масштаб дарования Эрманны Монтанари.

Но нам довелось увидеть ее не только на экране, но и на сцене, в спектакле «Мать» компании Teatro delle Albe. Тбилисцы стали свидетелями рождения

настоящего, исконного синтетического театра, когда буквально сейчас, в это мгновение происходит магическое слияние слова, музыки и изобразительного искусства. Благо, слово произносят уста актрисы Эрманны Монтанари, обладающей невероятным, каким-то колдовским, с богатыми обертонами голосом и выразительной пластикой, звуки музыки искусно вплетает в словесную вязь композитор и контрабасист Даниэле Роккато, почти моментально откликается на сценическое действие-монолог уникальный художник, иллюстратор Стефано Риччи, рождая искусные мифологические рисунки, тут же проецирующиеся на экран. Сюжет тоже необычный, странный, сюрреалистический. Он больше обращен к человеческому подсознанию, нежели к реальности. Его придумал драматург Марко Мартинелли.

Это история матери и сына. Они живут на ферме. Мама упала в колодец. Почему это произошло, остается для публики загадкой. Случайно ли она там оказалась? Но даже не это главное в спектакле. Вместе с матерью зрители все глубже и глубже погружаются в земные недра, как в какую-то черную безысходность. Из них просто невозможно выбраться. Говорят, единственное, что можно сделать в зыбучих песках, – это создать как можно большую площадь соприкосновения с поверхностью. Нужно вступить в контакт с опасностью, расслабиться – и это поможет выкарабкаться. Но в спектакле Madre не выбирается, а... соединяется с землей. Такая вот метафизическая, фантастическая история.

По замыслу создателей, «это не диалог, а диптих, состоящий из двух монологов. Сын ругает мать, а затем отправляется на поиски инструментов: лебедок и мушкетов, железных труб и блоков, всей «техники», необходимой, чтобы вытащить ее. Мать признается, что все исходит из глубины ее души, из колодца, который глубок, как бесконечность. Она не боится и не особенно переживает по поводу случившегося. В этом пустынном пейзаже проступает

аллегория все более отравляемой Матери-Земли – кошмара, созданного «технологиями», которые, вместо того чтобы оказывать конкретную помощь человечеству, высокомерно демонстрируют свой убийственный потенциал, способный нарушить вековое равновесие. В тексте, в котором переплетаются итальянский и романьонский диалекты, эти две фигуры, мать и сын, балансируют между суровой реальностью нашего времени и символами угрожающего и непонятного будущего».

«ПУСТЬ ГОВОРIT – КАКОЕ ЭТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ!..»

В рамках фестиваля «Подарок» мы получили возможность оценить итог совместного творчества Аргентины и Грузии – спектакль «Пусть говорит – какое это имеет значение» (копродукция Театра киноактера имени М. Туманишвили и Аргентинского международного театрального фестиваля FIT Cyrdoba Mercosur, премьера спектакля с большим успехом прошла в Аргентине).

Это патриотическое, политическое высказывание, основанное на воспоминаниях двух девочек о тяжелом для Грузии (и не только) периоде 90-х. Для того чтобы передать атмосферу кризисного времени, наполненного тотальной агрессией и страхами, режиссером-постановщиком Игнасио Таманьо и его командой использованы практически все сценические возможности – причем максимально мощно. Жестко поставлены сцены насилия – к примеру, для того, чтобы заставить жертву замолчать и обездвигить ее, применяется скотч; динамичное световое освещение; ветродувы; активное перемещение каких-то труб, люминесцентных светильников, других предметов, в результате чего на сцене возникает некое нагромождение – хаос; музыкальный и звукоряд, отличающиеся особой энергичностью и напряжением: все явления, события в мире можно выразить в определенной звуковой партитуре, считают создатели спектакля (музыкальная композиция и музыка на сцене Ани Мургулия); экран, на который проецируются фотографии и документаль-

ные видеокадры, отсылающие в прошлое (зрители видят как бы изнанку создания спектакля, действия техперсонала, обеспечивающего все детали представления); актерский потенциал Тамар Бзиава (актриса играет на грузинском и испанском языке) и, конечно, текст, который родился благодаря совместным усилиям нескольких участников творческого процесса. Уже в начале спектакля создана гнетущая, тревожная атмосфера: главные героини, которых играют Тамар Бзиава и Ани Мургулия (она выступает и в качестве актрисы), неподвижно сидят на сцене: первая обхватила руками люминесцентный светильник, вторая поигрывает ножичком. Зрители помнят это Время!.. Спектакль, обращаясь к 90-м, призывает через пережитый опыт осмыслить настоящее – то, что происходит сегодня в Грузии, во всем мире. Осмыслить, чтобы строить будущее – свое собственное и своей страны, призывает к единению нации, к защите ее интересов и независимости.

Пробуждает самосознание зрителей и работа Компании физического театра «Хой» под названием «Маро». Это проект, победивший в итальянской программе молодежного театра «Gift Biennale College». Спектакль поставлен по дневникам юной девушки, сестры милосердия Маро Макашвили – национальной героини Грузии, записавшейся в ряды добровольцев Красного Креста для защиты страны от вторжения большевиков и погибшей. Маро стала символом борьбы с оккупацией родины. Постановку, соединившую разные жанры – элементы физического театра, хореографию, кукольный театр, осуществили Тата Тавдишвили и Тато Гелиашвили. Драматическая история Маро Макашвили раскрывается с помощью необычных, метафорических театральных средств.

Актуальной уже по самому определению стала документальная драма итальянцев Николы Боргези и Энрико Баралди (театральная компания Kerler-452). Это совместная продукция Тбилисского театра киноактера имени М. Туманишвили и Национального театра Эмилия-Романья «Ушедший», посвящен-

ная острым проблемам эмиграции. В театральной презентации они были представлены по материалам интервью с гражданами Грузии.

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ТЕАТР И... АМЕРИКАНСКИЙ ЧЕХОВ

Фестиваль «Гифт», как правило, удивляющий разнообразием своей программы, на этот раз включил в нее спектакль инклюзивного (я бы назвала театр экспериментальным) театра «Контакт» – «В эфире Гелиос». Его создатели Ирина Кохреидзе, Георгий Микаберидзе поставили сюрреалистическое зрелище, наполненное сложной символикой. Эта история, с одной стороны, повествует о мифологическом боге солнца Гелиосе, но в то же время она не имеет ничего общего с греческим мифом. В спектакле Гелиос трактуется как некая метафора, некий ключ к самопознанию. Персонажи помещены в Зазеркалье – вымышленную реальность и пребывают в зомбированном, «спящем» состоянии. Люди, прильнувшие к экранам, получают от телерадиокомпании экстренную информацию о том, что в их мире может появиться Гелиос, население призывают быть осторожным. В социальных сетях наблюдается замешательство. «Кто-то видит спасение в появлении Мессии. В спектакле отражается кризисная ситуация общества, заключенного в цифровой мир: персонажи (среди актеров, занятых в спектакле, – люди с ограниченными возможностями) переживают внутренний хаос и смутные ощущения, конфронтацию с самими собой и друг с другом, чувство опустошенности, здесь царит цинизм, двуличие, токсичный позитив и наивность, которые проявляются в повседневной жизни. На фоне психологического кризиса кто-то предлагает услуги псевдодуховного и личностного роста, профанные услуги. Тем не менее, небольшая часть людей думает о ментальных ловушках и иллюзорности в комнате. Происходит переоценка ценностей и попытка саморефлексии», – говорится в аннотации к спектаклю. Впечатляет кульминация этого зрелища – появление золотого Гелиоса. Здесь используются выразительные технические возможности – особый

свет, необыкновенный костюм, предметная символика. Яркие лучи прорезают пространство зрительного зала. На сцене вдруг появляется женщина с весами и с повязкой на глазах – греческая богиня правосудия Фемиды, символизирующая законность и справедливость. Собственно, то, в чем мы все так остро нуждаемся во все времена. Как и в Гелиосе, олицетворении света и оплодотворяющей силы солнечного тепла. Пока продолжалось

«Андре и Дорин»

действие, над сценой вращалась магическая сфера Гелиоса. Она была покрыта странными символами и письменами и каким-то образом связана с магическими ритуалами.

Некой противоположностью новым театральным веяниям показался спектакль Тбилисского театра киноактера имени М. Туманишвили в постановке Дмитрия Трояновского «Долгое путешествие в ночь» по знаменитой автобиографической пьесе Юджина О'Нила. Старый добрый американский Чехов, семейные разборки, долгие страстные диалоги и монологи, добротные актерские работы, подробно проживаемые непростые судьбы героев драмы в хорошо выстроенных мизансценах. Почему бы и нет? Иногда зритель устаёт от новаций, экспериментов и испытывает потребность просто внимательно слушать тексты, наслаждаться хорошей игрой, отдаваться эмоциям и сострадать персонажам в предлагаемых обстоятельствах их частной жизни.

КАК ПРАЗДНОВАЛИ НАШИ ДЕДЫ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Черно-белые кадры архивной кинохроники. За прилавком магазина алкогольных напитков стоит продавец в белом халате, заворачивает в бумагу бутылку коньяка «Тбилиси» и протягивает покупателю. Затем взору зрителя открывается салон красоты, где дамы делают праздничные прически и маникюр. Сапожник до блеска натирает туфли клиента. Длинная очередь выстроилась за пивом, из деревянной бочки напиток наливают в большие чаши. Новогодний Тбилиси утопает в море света. Церковь Святого Давида прекрасна в ночном освещении. Елка украшена светящимися гирляндами. На табло зажигается надпись: «Поздравляем с Новым годом!» Это очередной выпуск киножурнала «Советская Грузия» – о том, как в столице встречали Новый год ровно 65 лет назад. Трехминутный короткометражный фильм вместил в себя ценнейшую информацию о повседневной жизни и надеждах поколения наших дедов.

Просматривая ленту, с интересом слушаем текст, который диктор бодрым голосом читает за кадром: «Не счесть, сколько новогодних праздников отметил севовласый Тбилиси. Сегодня советская Грузия радостно встречает новый, 1961 год. Наполним же бокалы, друзья, выпьем на здоровье! В каждой советской семье царит веселье, дни наполнены счастьем, счастливым будет и будущее!» Мы видим огромные очереди за праздничными подарками, опытные

продавщицы ловко пакует сувениры в квадратные картонные коробочки. Очереди стоят и за фруктами, елочными игрушками, украшениями. «Как видите, покупателей в магазинах довольно много, идет активная торговля, граждане охотно покупают товары на новые деньги. Желаем вам счастливого Нового года, друзья!» – отмечает комментатор. В здании Телеграфа тоже скопилось много народа: дедушки с внуками сидят и, обмакивая перья в чернильницу, пишут по-

здравительные телеграммы родственникам, живущим в разных уголках страны. «Сегодня следует быть особо внимательным и не забыть поздравить друзей и близких», – предупреждает диктор. Желающих послать поздравление так много, что министерству связи Грузинской ССР пришлось составить специальное объявление, которое развесили во всех отделениях почтамта: «Поздравительные телеграммы подавайте заблаговременно. В предприятиях связи с 15 по 20 декабря прием поздравительных телеграмм и фототелеграмм будет производиться по льготному тарифу (в два раза дешевле обычного). Ввиду перегрузки телеграфов в праздничные дни, своевременная доставка поздравительных телеграмм, поданных после 27 декабря, не гарантируется».

Затем зритель видит праздничное застолье с обилием блюд и традиционным напитком «для особых случаев» – «специальным лимонадом» (к слову, достать его было достаточно сложно). Радостные граждане пьют из фужеров шампанское, за столом собралось несколько поколений семьи, в центре стола крутится неизменный атрибут советских детей – юла. Все улыбаются, царит атмосфера любви. Далее следует поздравление от всеми любимой актрисы, Народной артистки СССР Сесилии Такашвили: «Поздравляю с Новым годом коллег, моих стариков, которые с громадным трудом и любовью прошли очень непростой творческий путь. Поздравляю талантливую молодежь, желаю им, прежде всего, большой любви к своей профессии. Мои дорогие, идите по этому пути и никогда не забывайте моих напутствий!» Любопытно посмотреть обращение знаменитого врача-психиатра, академика Авлипия Зурабашвили: «Хочу пожелать нашему обществу, грузинскому народу, нашим труженикам большого счастья! Грузинский народ, народ Руставели, исторически всегда был трудолюбивым, он хорошо знал цену упорному труду. Желаю нашему народу больших трудовых побед».

Хроники с такими уникальными кадрами хранятся в Национальном архиве Грузии, как

и множество документов, фотографий, афиш, повествующих о том, как в нашей стране в разные годы праздновали Новый год. Приведем лишь несколько иллюстраций из газет, вышедших почти два века назад. Вот отрывок из новогоднего фельетона в газете «Дроеба» от 5 (17) января 1868 года: «Расскажу вам, милостивый государь, историю о том, как в нашем доме варят гозинаки. На дворе 31-е, зазвонили колокола... Мебель поставили по местам. Перебирают миндаль и грецкий орех. Мед с утра купили. Настал полдень, зажгли свечи, треногу поставили в камин, а на нее – кастрюлю с медом... Мама держит в руках половник и торопливо дует на мед, пробует готов ли, и по ходу сердится – такого меда, мол, от роду не видела, такой же плохой, как и раньше. Хотя она так ворчит уже тридцать девятый год, когда варит гозинаки. Вот мед уже дошел, кастрюлю сняли с треноги, потом поставили снова, помешали, попробовали и под конец засыпали грецкий орех, хорошенько перемешали, разлили по емкостям. Потом всыпали миндаль, перемешали, разлили. И положили за окно – остудить. Все вздохнули с облегчением, успокоились, что мед не сгорел и гозинаки будет готов к ужину. В комнате витает аромат меда. Ужин начался, бабушка рассказывает, как делали гозинаки в ее молодости, вспоминает дорогих сердцу людей – живых и усопших, прослезившись, раздает всем гозинаки и говорит: «Так же сладко состарьтесь!»»

Газета «Дроеба» от 2 января 1869 года знакомит читателя с тем, как в Гурии проводят праздничный ритуал «Каланда», совершаемый за день до Нового года в регионах Западной Грузии: «Эту ночь у нас по-домашнему называют «ночью зажжения свечей», а в деревне – заготовкой грабовых дров, потому что в этот день жители деревни, кроме граба ничего не рубят, и на Новый год употребляют только грабовые дрова... После ужина один из мужчин семьи выходит в другую комнату и начинает тесать чичилаки. Чем будут украшать чичилаки, полностью зависит от достатка в доме: золото ли, серебро ли, или украшения, или сладкая шакарлама, или сухофрукты, листья плюща

и красные зерна терна, которые здесь называют «куркантела». На заре мужчина заканчивает тесать и украшать чичилаки, выходит во двор, за ним следуют несколько мальчишек, подходит к двери своего дома и громко кричит: «Открой дверь!» Ему отвечают: «Что несешь?» Он говорит: «Идет святой Василий, несет милость Божью и благоволение Господа, мир среди людей, золото и серебро, драгоценные камни и жемчуга, хлеб и вино, скакуна, кремневое ружье, английский пистолет, украшенный камнями кинжал и шелк». После того как три раза произнесет это заклинание, он снова кричит: «Открой дверь!» Открывший дверь смеется: «Ха! Ха! Ха!» И мужчина в сопровождении своей «свиты» входит в дом. Все встречают его с зажженными восковыми свечами. Он подходит к каждому гостю и поздравляет со словами: «Дай Бог тебе много раз встретить Новый год», три раза обходит весь дом, а собравшиеся гости прикасаются к украшениям чичилаки. Наконец, хозяин ставит чичилаки в угол, где она будет находиться до праздника Крещения».

Новогодние иллюстрации газеты «Квали» переносят нас в 1890-е годы. На одном из рисунков изображена продажа рождественских елок – знатная дама, облаченная в длинное платье и дорогое пальто, с тростью в руках с деловым видом рассматривает пышную елку, которую предлагает продавец. На другом рисунке мы видим одетых в чохли мужчин с ружьями, которые идут в гости и на подносе с зажженными свечами несут традиционные новогодние лакомства – гозинаки, жареную курицу, шашлык и сосуд с вином. Автор рисунка – Мосе Тоидзе. Иллюстрация опубликована в новогоднем выпуске «Квали» от 1893 года.

Помимо газетных иллюстраций, в Архиве собрано множество фотографий новогодней тематики. На одном из снимков видна гостиная более чем состоятельной семьи, уставленная дорогой мебелью, в центре комнаты – украшенная блестками и дорогими игрушками елка, достигающая до потолка. Подпись под фото гласит: «Рождественская елка, Тбилиси, квартира В.М.Т., 1913 год». А вот на фотографиях, снятых в декабре 1937

года, виден процесс подготовки к Новому году – ученицы 36-й тбилисской школы готовят украшения для елки; на другом фото изображен магазин новогодних товаров на проспекте Руставели, где две школьницы покупают фигурку Деда Мороза. Эти снимки входят в коллекцию «Союзфото».

Киножурнал «Советская Грузия», вышедший в январе 1957 года, рассказывает о первых днях работы отечественного телевидения. Текст читает Эроси Манджгаладзе: «Жители столицы с нетерпением ждали этого дня, телевизионные лучи, исходящие с горы Святого Давида, покрыли весь город: в последнюю ночь 1956 года началось вещание грузинского телевидения. Первая передача телестудии была посвящена выдающимся людям, на экране появился сталевар Руставского металлургического завода Амиран Панцулая, который сообщил, что производственный план 1956 года бригада выполнила к 7 декабря». Затем мы видим зал отделения государственного банка района имени 26 комиссаров (ныне Авлабар). В последний день уходящего финансового года здесь вовсю кипела работа. «Сотрудники банка, бухгалтер Мери Манеишвили и счетовод Жужуна Циклаури, быстро и слаженно выполняют бюджетные операции, – звучит закадровый текст. – После работы подруги репетируют в ансамбле самостоятельности – готовят программу своего выступления на Всемирном фестивале молодежи. 2 января во Дворце правительства состоялся новогодний вечер тбилисской студенческой молодежи. Гостеприимные хозяева пригласили студентов из других стран, которые проходят обучение в столичных вузах». Звучит новогодний вальс, молодые люди танцуют вокруг елки. Когда смотришь эту хронику, невольно всплывают в памяти последние кадры известного фильма Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь».

Со времени съемок киножурнала прошло почти 70 лет, а новогодние пожелания остались неизменными – каждый раз, когда часы бьют 12, люди надеются, что наступивший год принесет счастье и исполнение сокровенных желаний.

ЗА ТО, ЧТОБ РУЖЬЕ НИКОГДА НЕ СТРЕЛЯЛО!

■ **Вадим АНАСТАСИАДИ**

В Грузии что ни регион – Кахети, Имерети, Картли, Самегрело, Гурия – повсюду свои традиции. И чуть ли не каждую из них можно хоть сегодня внести в Книгу рекордов Гиннеса. В частности, это касается традиций застолья.

Один из главных традиционных тостов гурийцев – тост за мир. В спокойные советские годы над ними за это нередко потешались: мол, зачем провозглашать здравицу за мир, если мы и так живем в тихой, спокойной обстановке. Однако гурийцы от традиций не отступали и, несмотря на насмешки, каждое застолье начинали с похвального слова миру, в непреходящей ценности которого с распадом Советского Союза убедились все, в том числе, конечно, и граждане Грузии.

Провозгласив тост, тамада может предложить участникам застолья опустошить за мир стакан или вазу, а в особо торжественных случаях... охотничье ружье. Предупреждаем: это очень важная церемония. Итак, надо взять двустволку, заправить ее патронами, затем заполнить оба ствола вином. Из обоих стволов вино должно вливаться в рот пьющего одновременно. Тост этот произносится одним из первых еще и во избежание всяких недоразумений: не дай бог, рука неосторожно нажмет на курок. После того как оба ствола будут опустошены, тостующий обязан выстрелить из ружья в воздух. Затем двустволка передается следующему участнику застолья.

Очередной тост – за больных, выздоравливающих и вообще за людей, проходящих курс лечения, а сосуд – 500-граммовый шприц. Принятие жидкости в себя производится легким нажатием на поршень шприца, как бы избавляя занемогшего человека от необходимости прилагать даже ради благого дела какие-то особые усилия. Если вы новичок в этом упражнении, понаблюдайте за тамадой. Уж он-то точно не ошибется и покажет, как надо обращаться с этой не совсем привычной для здорового человека атрибутикой по всем правилам.

Всем прекрасно известно: в Грузии тамада ведет застолье железной рукой, пресекая любой намек на своеволие, что породило немало слухов, в том числе совершенно неправдоподобных. Например, один заезжий гость смиренно вливал в себя вино из всех емкостей, предложенных за столом тамадой – кто-то его предупредил, что вино из недопитой емкости руководитель застолья в знак наказания может вылить непокорному гостю за шиворот. Это, конечно, преувеличение. У тамады множество других способов власть употребить. Так, если неповиновение кое-где все-таки проявляется, руководитель застолья может прибегнуть к испытанному способу – предложить «нарушителю» опустошить вино из... деревянной ступки, которую хозяйка дома использует для чеснока, укропа,

киндрзы, перца и других пряностей. При этом вовсе не обязательно, чтобы ступка была тщательно вымыта. Напротив, чем больше она хранит следов, относящихся к ее непосредственной функции, тем сильнее вино бьет по мозгам. После такой встряски «нарушитель», как правило, надолго выбывает из строя, хотя надо заметить, что первым опрокинуть чашу, согласно традиции, обязан сам тамада.

Тем временем руководитель кахетинского застолья предлагает провозгласить тост за то, чтобы в наших домах всегда было светло. В Грузии, долго страдавшей в постсоветский период от всяких энергокризисов, этот тост был весьма актуален. В качестве сосуда используется стекло от керосиновой лампы. При этом узкая часть стекла плотно закрывается рукой, а сквозь широкое отверстие вино опрокидывается в рот. Здесь существуют возможности для маневров: например, кто-нибудь из коварных участников застолья может незаметно подсунуть другому закопченное стекло. Те, кто когда-либо попался на эту удочку, утверждают, что вино из закопченного сосуда ударяет в голову сильнее.

Повторить некоторые «подвиги» участников новогоднего застолья вряд ли удастся кому-нибудь из простых смертных. Попробуйте, например, опорожнить два полновесных стакана вина одновременно и при этом не пролить на землю ни капли. Выполняется эта процедура следующим образом: вначале надо опустить голову и приложить обе щеки к стаканам с вином, затем резким движением, прижимая стаканы к щекам, опрокинуть голову назад. Сложность теперь состоит в том, чтобы придвинуть оба стакана, не пролив при этом вина, к уголкам рта, после чего надо размеренными глотками опустошить оба стакана. Попробовали? Получилось? Ай да молодец!

Заметим еще одно: по какому-то странному стечению обстоятельств сосудом, востребованным участниками застолий чуть ли не во всех регионах страны, часто оказывается обыкновенная... кровельная черепица. Происходит это так: один из участников застолья прикладывает губами к краю черепицы, тогда как партнер льет вино с другой стороны в округлый желоб, по которому оно и сбегает прямым сообщением в рот адресата.

Вокруг темно, зато в глазах светло!

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

В последние годы грузинские и европейские СМИ немало внимания уделяют выступлениям национальной сборной Грузии по футболу ампутантов. И это не случайно. В 2023 году в Бельгии наша сборная успешно выступила в С дивизионе Лиги Наций, завоевав право в 2025 году выступать в В дивизионе. Турнир прошел в конце сентября в Испании. В первом матче Лиги Наций 2025 сборная Грузии сотворила сенсацию – со счетом 3:2 выиграла у Германии. Затем наша команда проиграла сборным Ирландии, Франции и Испании, но победы над Германией оказалось достаточно для сохранения места в этом дивизионе ЛН.

Внимание европейской прессы и социальных сетей привлекло и то, как сборная Грузии отметила победу. Национальный танец, исполненный футболистами-ампутантами, был опубликован на странице Европейской Федерации футбола ампутантов, собрал восторженные отзывы и более пяти миллионов просмотров.

7 декабря состоялся финал Суперкубка Грузии по футболу ампутантов.

На наши вопросы ответил президент Ассоциации футбола ампутантов Грузии Георгий Гвалия.

– Как вы сами попали в этот вид спорта?

– Я родился и вырос в Сухуми, закончил школу-интернат в т.н. Новом районе, кстати, в этой же школе училась Инга Бенделиани – мама всемирно известного бойца UFC Или Топурия. В детстве и юности я занимался самбо у опытного тренера Владимира Кувычко в Доме железнодорожников в Сухуми. Стал чемпионом города, чемпионом Абхазской автономной республики, выступал на чемпионатах Грузии. В 1986 году поступил в Сухумский филиал Грузинского политехнического института, на факультет машиностроения. После первого курса, в 1987-1989 годах, служил в армии в Ленинградской области. Вернулся в родной город, продолжил учебу в Сухумском филиале Тбилисского госуниверситета. В

1992-1993 годах как доброволец Сухумского батальона Вооруженных Сил Грузии защищал единство Грузии, 16 марта 1993 года во время обороны Сухуми был ранен, потерял ногу. Меня вывезли на лечение в Тбилиси, где я более четырех месяцев проходил курс лечения, потом в Ереване мне поставили протез. В августе 1993 года, во время перемирия, вернулся в Сухуми, 16 сентября, когда противник нарушил перемирие и возобновил штурм Сухуми, я вновь вернулся в свой батальон, но сослуживцы, видя мое состояние, отправили меня на самолете в Тбилиси. После окончания войны я, как и большинство сухумцев, стал вынужденно перемещенным лицом. Но жизнь продолжалась. Нельзя было падать духом. Я завершил учебу в действовавшем в Тбилиси Сухумском филиале ТГУ. Стал сопредседателем одной из неправительственных грузинских организаций, членами которой были участники войны 1992-1993 годов. А в 1997 году я и мои друзья – боевые товарищи, решили создать футбольную команду ампутантов. Вместе с руководителем Спортивной Федерации инвалидов Давидом Майсурадзе мы собрали 25 человек – участников войны, потерявших руку или ногу. И вскоре во Дворце спорта прошел турнир по футболу ампутантов. Мы выступали двумя командами, были команды и из других стран. Затем создали национальную сборную Грузии, которая в 1998 году приняла участие в Кубке мира в Англии. В последующие годы, несмотря на социально-экономические трудности, наша сборная выступала в различных международных турнирах, в том числе в Киеве на открытом Кубке Европы 1999 года с участием, в том числе, и сборных неевропейских стран – Бразилии, США, Узбекистана. В 2001 году мы готовились поехать на чемпионат мира в США, но не сложилось. И наша сборная временно прекратила функционирование.

– Когда вы восстановили команду?

– В 2015 году. Я играл в сборной до 2017 года, в том числе на

Георгий Гвалия

чемпионате Европы-2017. Тогда же, в 2015-м, усилиями энтузиастов и ветеранов футбола была создана и наша Ассоциация, через год она стала членом Европейской ассоциации – EAFF, а в 2018 году была принята во Всемирную – WAFF. Меня выбрали президентом Ассоциации футбола ампутантов Грузии, через год я ушел с поста, уступив место моему другу Автандилу Чихладзе. Активный сторонник футбола ампутантов, он проработал на этом посту до самой своей смерти в конце 2021 года. После этого я снова возглавил Ассоциацию. Пост вице-президента ГАФА занимает Георгий Хведелидзе.

– Кто играет в футбольных командах ампутантов?

– После войны 2008 года количество футболистов-ампутантов увеличилось. Помимо тех, кто получил травмы и ранения во время войн, в этот футбол играют ребята, потерявшие руку или ногу в жизненных, бытовых ситуациях.

– Каковы правила этого футбола?

– Мы играем на поле размером 60 на 40 метров, два тайма по 25 минут, на поле вместе с вратарем – человек. Плюс запасные игроки.

– Сколько команд участвует в чемпионате Грузии? Кто их поддерживает?

– Сейчас играет пять команд – клубы Тбилиси, Батуми, Гори, Зугдиди и Зестафони. Помощь командам оказывают местные муниципалитеты. Помимо чемпионата Грузии, мы проводим розыгрыш Кубка и Суперкубка – эти мероприятия проходят при поддержке Федерации футбола Грузии. Лучшая команда страны участвует в европейских клубных турнирах, в нынешнем году это была команда «Тбилиси», которая при поддержке Фонда развития грузинского футбола приняла участие в матчах Лиги чемпионов Европы. Помощь этой команде также оказывает мэрия Тбилиси, которая приобретает экипировку для футболистов и выплачивает зарплату тренерам. Главный тренер этой команды и сборной Грузии – Дато Шамугия, уроженец Очамчире. «Тбилиси» стала не только чемпионом Грузии 2025 года, но и обладателем Суперкубка страны, а команда «Дила» Гори выиграла Кубок и стала финалистом Суперкубка.

– Кого из игроков вам хотелось бы отметить?

– Назову состав сборной страны, выступавшей в 2025 году в Испании в дивизионе В Лиги наций. Это вратари Павлэ Бахтуридзе, Лаша Кодуа и Георгий Мегрелишвили (Мегрелишвили также был помощником главного тренера), футболисты в поле Паата Тевзадзе, Давид Дарчидзе, Георгий Учава, Лука Джавахишвили, Бека Качкашавили, Василий Мумладзе, Матэ Кардава, Анатолий Оробинский, Ника Кристесашвили, Давид Бабуцидзе. В сборной и в клубах играют футболисты из разных уголков Грузии. В команде «Тбилиси» и в сборной играет Анатолий Оробинский – сухумский парень с польскими корнями, в 1992-1993 годах он защищал единство Грузии, был ранен, потерял ногу, ему тогда было 17 лет. Хотел бы отметить успешную игру в этом клубе и в сборной Грузии Давида Бабуцидзе – уроженца села Ачабети Цхинвальского региона, после войны 2008 года он, тогда еще ребенок, стал вынужденно перемещенным лицом. В клубе

«Дила» Гори играет Матэ Кардава, который вырос в семье вынужденно перемещенных лиц из Гульрипшского района. Все игроки выступают достойно и заслуживают уважения. В 2026 году сборная Грузии планирует участие в одном из международных турниров, а чемпион страны «Тбилиси» примет участие в матчах Лиги чемпионов.

– 18 декабря в Тбилиси, в Государственной службе Грузии по делам ветеранов состоялась церемония награждения победителей чемпионата страны и лучших игроков футбола ампутантов. Мероприятие было организовано президентом ГАФА Г. Гвалия при поддержке и активном содействии руководства Госслужбы. Призы и дипломы были переданы представителям команд «Тбилиси» (чемпион Грузии 2025 года), «Дила» Гори (серебряный призер первенства) и «Маргвети» Зестафони (бронзовый призер). Памятные призы и денежные премии были вручены голкиперу клуба «Тбилиси» Павле Бахтуридзе (победитель в номинации «Лучший вратарь 2025 года») и нападающему этого же клуба Нике Кристесашвили (победитель в номинации «Лучший бомбардир чемпионата Грузии 2025 года»). Футболистов приветствовал руководитель Госслужбы Грузии по делам ветеранов, генерал-майор Коба Кобаладзе. Он сказал, что «работа ГАФА и футбольных клубов ампутантов дает всем стимул для того, чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не терять надежду». «Когда мы смотрим на игру футболистов-ампутантов, то становимся сильнее, потому что это образец силы духа и стойкости. Наша Госслужба несет ответственность за оказание поддержки и содействия футболу ампутантов, мы провели консультации по этому вопросу с правительством Грузии и думаем, что в будущем Госслужба будет еще более активно содействовать работе Ассоциации и развитию футбола ампутантов», – заявил К. Кобаладзе.

МИХАИЛ ЦИНАМДЗГВРИШВИЛИ

— Омар ШУДРА

В своих лекциях по офис-менеджменту я часто затрагивал вопросы по технике быстрого чтения и называл тех знаменитых государственных деятелей, которые читали в два-три раза быстрее простых смертных, методом диагонального, а не построчного чтения страницы: Наполеон, Кеннеди, Ленин, Сталин... Студенты сомневались, недоумевали, как это им удавалось. Честно говоря, сомневался и я сам. Не знаю, как с Наполеоном и другими, но в отношении Сталина меня убедили воспоминания известного врача-терапевта, академика АН Грузии Михаила Цинамдзгвришвили. (С его внуком Мишей мы вместе учились в школе, а наши матери дружили).

В октябре 1945 года Сталин лечил свой хронический суставной ревматизм на целебных водах Мацесты в районе Сочи. И, по своему обыкновению, совместил полезное с полезным.

Кандид Чарквиани, который в те годы был первым секретарем ЦК КП(б) Грузинской ССР, сменив на этой должности Л. П. Берия, вспоминал: «Еще до войны послал я Сталину макет «Истории Грузии», авторами которой были Джавахишвили, Джанашия и Бердзенишвили. В

сорок пятом, сразу после окончания войны, Сталин позвонил и поразил меня сообщением, что внимательно изучил макет, имеет некоторые замечания и желает обсудить их с авторами. Попросил меня вместе с ними приехать к нему на дачу в Сочи. «Не забудьте пригласить также друга моего детства Михаила Цинамдзгвришвили», — добавил он». (Дневники академика Нико Бердзенишвили об этой трехдневной встрече хранятся в фонде Института рукописей имени К. Кекелидзе в Тбилиси).

Своих четверых гостей (Иванэ Джавахишвили скончался в 1940 году) Сталин принял очень гостеприимно (это он умел, если хотел). Показал дачу, свой рабочий кабинет... На письменном столе внимательный врач заметил толстую книгу и большую лупу (как известно, Сталин очков не носил), и обладая феноменальной памятью, даже запомнил номер страницы, на которой была открыта книга.

Хозяин позаботился о ночлеге гостей. Прощаясь, заметил, что его ждет работа — книга в кабинете. Утром раньше всех встал Михаил Дороевич. Любопытный ученый на правах старого товарища зашел в кабинет и взглянул на страницу,

на которой лежала лупа. Оказалось, за ночь Сталин прочел 500 (!) страниц.

В течение трех дней хозяин и гости подробно обсуждали будущий учебник, и Сталин поразил ученых своей памятью и эрудицией — они убедились, что имеют дело с высокообразованным человеком, способным проэкзаменовать маститых собеседников. Для полноты картины добавим, что эта прекрасная книга была издана и в 1946 году удостоена Сталинской премии.

Разговоры велись, конечно, не только об истории Грузии. За столом, как записал Бердзенишвили в своем дневнике, Сталин вспоминал духовное училище в Гори, семинарию в Тбилиси, различные эпизоды тех лет. Михаил Дороевич тоже припомнил забавный случай — с семинаристом Кокиашвили, которого упомянул и Сталин, кахетинцем из Кизики, абсолютно бездарным, но трудолюбивым: «Бил себя книгой по голове, чтобы запомнить содержание. Перед экзаменом попросил Богородицу: если завтра сможешь сдать экзамен, поставлю тебе огромную свечу. Не смог сдать, пришел в храм и говорит Богородице: поставлю тебе ... вместо свечи».

Перед расставанием Сталин спросил друга детства, в чем тот нуждается лично. У Цинамдзгвришвили была только одна просьба: посодействовать в осуществлении его давней мечты — создать сектор кардиологии при АН Грузии.

Сектор, открытый в 1946 году, вскоре преобразился в Институт клинической и экспериментальной кардиологии, который почти 20 лет оставался единственным институтом этого профиля в СССР.

Михаил Цинамдзгвришвили родился 10 мая 1882 года в Сурами недалеко от г. Хашури. Отец, Дороте (Дороеф), работал заведующим отделом на цхинвальском почтамте. Мать, Мария Чонишвили, публиковала маленькие рассказы и статьи в газете Ильи Чавчавадзе «Иверия» и журнале «Театр и жизнь». Его старший брат Александр успел напечатать несколько своих произведений и переводов, но вырасти в

большого писателя не успел – талантливый молодой человек ушел из жизни в 23 года.

Несколько поколений предков Михаила по отцовской линии служили в Кинцвисском монастыре около г. Карели, построенном в конце XII века во имя Св. Георгия (один из важнейших образцов грузинской архитектуры). Поэтому, окончив в 1895 году лучшее на Кавказе духовное училище в Гори, он поступил в Тбилисскую семинарию. Он был одним из лучших учеников, но круг его увлечений был очень широк: семинарист блестяще играл на скрипке, интересовался архитектурой, литературой, но особенно – медициной. Связывать свое будущее с церковью Михаил не хотел, выбирал между медициной и музыкой. Победила медицина. Отец заложил имущество и отправил сына в один из лучших университетов империи – Харьковский. Стипендию он получал из Тбилиси – от известного педагога и общественного деятеля Ильи Цинамдзгвришвили. Два года был слушателем лечебного факультета, а затем, получив в местной гимназии аттестат зрелости, в 1904 году стал студен-

том медицинского факультета. По завершении учебы Михаил четыре года проработал в Харькове в клинике госпитальной терапии. Затем вернулся в Грузию. Вскоре он возглавил отделение терапии в первой городской больнице Тбилиси. После открытия ТГУ работал на ее лечебном факультете. Докторская диссертация, которую М. Цинамдзгвришвили защитил на родном языке в 1921 году, была первой в Грузии в области медицины и второй после диссертации известного ученого-филолога Акакия Шанидзе.

В 1927-28 годах Цинамдзгвришвили, заведующего кафедрой пропедевтики внутренних болезней, профессора университета, командировали за рубеж – в ведущие клиники Берлина, Вены и Парижа. Уже тогда медицинские светила, всемирно известные клиницисты Вакес, Венкебах, Поргес, Бергман были в восторге от его методики в постановке точного диагноза больному.

После возвращения из Европы М. Цинамдзгвришвили назначили заведующим кафедрой госпитальной терапии Тбилисского медицинского института, которой он заведовал до конца жизни.

С 1946 года он – директор Института кардиологии, академик АН ГССР. Именно с созданием этого института кардиология выделилась как отдельная отрасль медицины.

Михаил Дорофеевич создал и сплотил коллектив с завидной нравственностью, примерной атмосферой взаимоуважения и субординации. При приеме на работу он большое внимание уделял человеческим качествам сотрудника. Считал, что из плохого человека хороший врач не получится. Неудивительно, что впервые в СССР детское кардиологическое отделение было основано тоже здесь.

За те десять лет, что М. Цинамдзгвришвили возглавлял Институт кардиологии, было издано три тома научных трудов, 13 монографий, опубликовано более 200 статей в журналах разных стран, защищены 32 диссертации. Он – заслуженный деятель науки ГССР, почетный

член многих медицинских обществ, автор более 100 научных трудов, а его учебник «Основы клинической диагностики внутренних болезней» остается настольной книгой для студентов и врачей.

На вид строгий и неприступный, Михаил Дорофеевич был веселым, общительным человеком и даже блестящим тамадой, экспромтом сочиняющим стихи. Свою супругу, стоматолога Зизилу Капанадзе, он обожал, уделял время детям – Марии и Вахтангу. А когда они повзрослели и обзавелись собственными семьями, не смог их отпустить от себя, и они жили все вместе – в квартире на площади Марджанишвили.

Михаил всю жизнь дружил с академиком Григолом Мухадзе, выдающимся хирургом, гематологом. Летом 1936 года, М. Цинамдзгвришвили тяжело заболел. Жара в Тбилиси была невыносимая, и он лечился на курорте Коджори, где, несмотря на бездорожье, его регулярно навещал Мухадзе. Так они и шли по жизни рядом, до самой смерти Мухадзе – вместе работали в Республиканской больнице (Михаил на первом этаже, Григол – на втором) и даже вместе отдыхали – их дачи в Коджори стояли недалеко друг от друга.

Михаил Цинамдзгвришвили скончался в декабре 1956 года, после тяжелой болезни, в возрасте 74 лет. Похоронен на Вакийском кладбище в Тбилиси. Семейную врачебную династию продолжил его сын Вахтанг, затем – внук Бежан, а сейчас ее продолжает правнук Михаила Дорофеевича – Вахтанг Цинамдзгвришвили-младший.

Во дворе Института клинической и экспериментальной кардиологии установлен памятник М. Цинамдзгвришвили, созданный известным скульптором М. Бердзенишвили, с надписью Fundator (основатель). Одна из центральных улиц Тбилиси носит его имя. Кардиологическое общество Грузии установило мемориальную доску на доме №83 по улице Д. Агмашенебели и учредило премию им. М. Цинамдзгвришвили.

ЗВОНОК ОТ ЛЕВЫ ОНИКОВА

■ **Вадим АНАСТАСИАДИ**

Наверное, нет такого журналиста, газетчика, часто работающего, как говорится, с колес, или редактора, который бы ни разу не ошибался – такая уж у нас профессия. Не обошла эта участь и меня. Об этом и пойдет речь. Но сначала представлю человека, с именем которого эта ошибка связана – Леву О니кова. Кто такой Оников? Эта личность в определенных тбилисских кругах была почти легендарная: коренной горожанин, из того самого тбилисского двора, где жили в детстве Володя Бураковский (академик, хирург), много других известных людей, выпускник МГИМО, человек с 40-летним стажем работы в центральных партийных органах, почетный гражданин Тбилиси...

Лева Оников пришел работать в ЦК ВКП(б) еще при Сталине и ушел из ЦК КПСС, когда заколачивали его двери.

Вот лишь несколько эпизодов, дающих представление об этой личности.

Из воспоминаний писателя и журналиста Теймураза Степанова-Мамаладзе:

«Сидят в Мадриде, в одном кафе, Александр Бовин, известный журналист-международник, и Леонид Камынин, собкор «Известий» по Испании. Сидят, что-то пьют и едят, о чем-то разговаривают, разумеется, по-русски. Вдруг подходит к ним какой-то испанец, представляется, тоже по-русски, заявляя при этом:

– Мне очень приятна ваша речь, приятно слушать, как вы разговариваете по-русски – детство я провел в Советском Союзе и, разумеется, вывез оттуда любовь к вашей замечательной стране и тоску по ней. Разрешите присоседиться?

Разрешили. Дело кончилось тем, что он заплатил за ужин, а потом вдруг спрашивает:

– А вы Леву Оникова, слу-

чайно, не знаете?

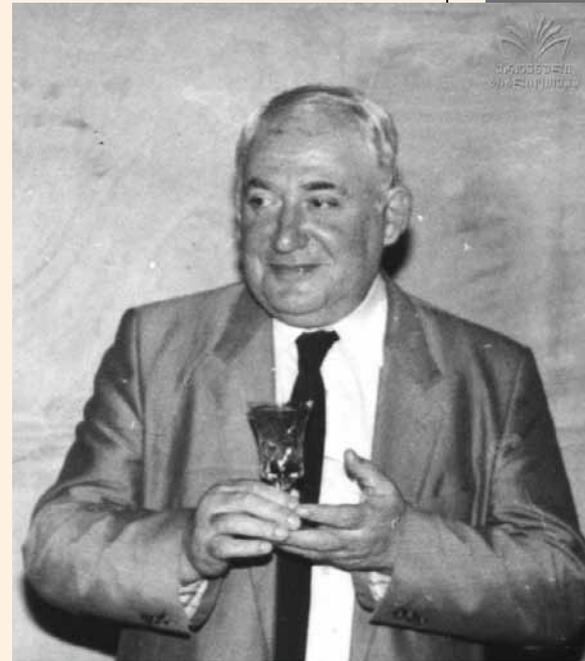
Оказывается, в конце тридцатых и во время войны Оников, в те годы – тбилисский урка, подкармливал голодных детей Кастилии».

Еще новелла из жизни Льва Оникова. По спискам, составленным Котиком Енгояном, знатоком антиквариата и будущим корреспондентом тбилисской «Вечерки», он обходил дома на улице Леселидзе и вытряхивал из их домов драгоценности – в пользу неимущих. Лева это делал или сам, или с помощью своих приятелей, которых у него было много в этом не самом лучшем из миров.

Однажды, приехав из Москвы в Тбилиси, он решил навестить одного из них. Пришел по знакомому адресу, а там – милиционеры. «Вы к кому?» – «К Арташесу Гевондянну». – «Ваши документы?» – «Пожалуйста». – «Где работаете?» – «В ЦК КПСС...»

Ответственный работник ЦК КПСС пришел в гости к вору в законе, вору-рецидивисту, только что взятому под арест после очередного конфликта с законом.

...Теперь об ошибке. Это произошло 25 с лишним лет назад. 1990-е годы, а вместе с ними и XX век подходили к концу. Революционные потрясения, путчи, перевороты и прочие страсти в Грузии остались позади. Народ молча кусал локти за свои политические промахи и глотал очередные обиды. Жизнь в редакции «Вечернего Тбилиси» тоже протекала в однообразном режиме. Ничего примечательного не предвещало и появление в моем кабинете Вовы Абуладзе – старого знакомого. Он долгое время работал инструктором в административном отделе ЦК партии. Теперь же ударился в религию, стал примерным прихожанином. Вова Абуладзе пришел один

Лев Оников

раз, а потом ходил в редакцию регулярно, всякий раз оставляя для публикации какую-нибудь заметку о житии святых. Когда-то в юности, еще будучи нештатным корреспондентом молодежной газеты, я написал зарисовку о Воле, в те годы руководителе студенческого киноклуба. Я об этом эпизоде забыл, но он помнил и вспоминал с удовольствием. Навещая меня, Вова часто заводил речь о своем близком родственнике Левае Оникове, который к тому времени тяжело болел. Вова обезоруживал меня приветами от Леона Аршаковича, говорил, что регулярно отправляет тбилисскую «Вечерку» Левае в Москву и убеждал меня в том, что чтение его опусов – чуть ли не единственное развлечение почетного тбилисца, проживающего в России. Разумеется, я понимал, что Вова хитрит, и его рассказы о самочувствии Оникова – лишь прелюдия, за которой последует попытка вручить мне свое очередное творение. Но факт остается фактом – в то, что Оников тяжело и неизлечимо болен, я поверил безоговорочно. И когда мой университетский друг и однокашник Юрий Гавва, работавший в ту пору в пресс-центре посольства Грузии в Москве, в разговоре со мной по междугородному телефону вдруг сообщил: «Вчера был на похоронах у Левы Оникова. Башка до

Теймураз Степанов-Мамаладзе

сих пор трещит...», я воспринял эти слова как печальное, но закономерное резюме к красивой человеческой жизни.

Разумеется, слова Юры должны были меня насторожить. Я должен был расспросить его о происшедшем подробнее: либо тотчас же, либо позднее – перезвонив ему же в Москву. В конце концов такие люди, как Оников, тихо не умирают, друзей у него в Тбилиси видимо-невидимо, информация о его смерти, если бы он умер, распространилась бы быстро и не прошла бы мимо моих ушей. Не узнать о его смерти я мог бы лишь в том случае, если бы он скончался вчера, но даже в Москве умерших не хоронят в тот же или на следующий день после смерти.

Да, все это я должен был сделать и обо всем этом подумать, но не сделал и не подумал, т.к. очень спешил и в редакцию заскочил лишь на полчаса: провести утреннее совещание и раздать кое-какие распоряжения по номеру. А затем бегом к ма-

шине и – в гостиницу «Тбилиси Мэрриот», где гостила зарубежная делегация, которую я, главный редактор газеты, должен был сопровождать в тот день в поездке по стране. Тем не менее я велел своему заместителю связаться с Вовой Абуладзе, перепроверить информацию, и если она подтвердится – поместить на страницах газеты траурное объявление о смерти Оникова. В этом состояла еще одна досадная ошибка. Если бы я ограничился одной лишь фразой: «перепроверить информацию», то ошибки, возможно, удалось бы избежать, но, велел «связаться с Вовой Абуладзе», я как бы ограничивал круг служебного рвения своего заместителя: до Абуладзе ей дозвониться не удалось, поэтому траурное объявление пошло в номер в первоизданном виде.

Утро следующего дня началось с того, что в редакцию прибежал рыдающий «знаток антиквариата» Котик Енгоян, перешедший к тому времени на работу в соседнюю газету. Потом стали звонить другие друзья и знакомые Оникова. Вопросы сыпались отовсюду: как, когда, при каких обстоятельствах? Раздалась пронзительная трель правительственной вертушки: на проводе был Вахтанг Масхулия, заместитель руководителя пресс-службы президента Грузии Шеварднадзе: он интересовался, по какому адресу Эдуард Амвросиевич мог бы отправить телеграмму соболезнования по случаю смерти Оникова.

Из воспоминаний Виталия Игнатенко, генерального директора ТАСС, где в ту пору работал Оников: «Однажды Лева пришел ко мне озадаченный: «В Тбилиси напечатали, что я умер. Что делать? Шеварднадзе готовит в Москву похоронную делегацию». Я, не раздумывая, показал на правительственный телефон: «Звони президенту Грузии». Соединили быстро. «Это я, Лева», – закричал в трубку Оников. «Да, слышу, Лева, – с удивлением ответил Эдуард Амвросиевич. И с паузой: – А ты откуда звонишь?»

...Уже через полчаса я понял, что мы влипли в скверную историю. Вызываю заместителя: вы дозвонились до Абуладзе? В от-

вет молчание. Честно признаю: в тот момент мне очень хотелось, чтобы Оников действительно умер. Но он не умер.

Могу себе представить, как развивались бы события, если бы дело происходило в «иные» времена. Вопрос, конечно, обсуждался бы на заседании бюро Тбилисского горкома или даже в Центральном комитете партии. Громов и молний было бы не избежать. Голова моего заместителя наверняка полетела бы с плеч. «Строгача» скорее всего не избежал бы и я. Но мы жили в «счастливое» время относительной свободы, а точнее, политического безвременья. Так что, по большому счету, этот грубый прокол сошел всем нам с рук.

Я заперся в кабинете, взял в руки лист бумаги и ручку, вывел первую фразу «От редакции» и стал сочинять: «Во время телефонного разговора с Москвой прозвучала фраза, неправильно истолкованная – человек на этом конце провода решил, что речь идет об уходе из жизни Лео Аршаковича Оникова, тогда как на самом деле речь шла о похоронах его супруги. Эта информация, переданная по «испорченному телефону», привела к появлению на страницах газеты скорбного объявления с

Виталий Игнатенко

В центре - Евгений Примаков

упоминанием имени здравствующего человека... Ошибка! Но не поворачивается язык просить за нее у Леона Аршаковича прощения. Да, к счастью, ошибка! Дорогой Леон Аршакович, можете представить, с какими чувствами воспринимали мы каждый телефонный звонок, раздававшийся в редакции в день выхода этого номера газеты. Мы были готовы к словам возмущения, негодования. Но все оказалось не так, как ожидалось. В ответ на наши разъяснения о том, что произошла досадная ошибка, мы слышали от наших собеседников слова облегчения, радости, не скроем, раздававшиеся нередко сквозь слезы. Мы приносим извинения за эти слезы, пролитые хотя и по невольной, но по нашей вине. Не будем вспоминать в связи со случившимся о добрых приметах, хотя таковые имеются. Скажем просто: живите долго! С наступающим Новым 1999 годом, Леон Аршакович! У вас в Тбилиси несметное число друзей, которые шлют вам самые искренние и добрые пожелания. Они говорят вам: «Мравалжамьер» – «Многие лета!» Примите искренние соболезнования в

связи со смертью вашей супруги. И пусть простят нас за свои слезы ваши друзья!»

Еще одна цитата: «Грань, где заканчивается подростковая привязанность и начинается мужская дружба, неуловима, – вспоминает Евгений Примаков, известный российский политик и дипломат: – Так у меня вышло с Левой Ониковым. Он старше меня. Учились в одной школе, но в разных классах. Чисто визуально знали друг друга. Дружба завязалась в Москве. Мы были единомышленниками. Уже много лет как Левы нет с нами. Но всякий раз, когда мы с друзьями поднимаем тост за ушедших, я вспоминаю его слова: «Не надо называть имен. Потому что те, кого мы забудем упомянуть, останутся на том свете с пустыми чашами».

Через несколько дней ко мне в комнату заглянула секретарша и сказала, что меня по телефону вызывает Москва. На проводе был Оников. Я приготовился к длительным и тяжелым извинениям. Но Леон Аршакович огорошил меня словами: «Вадим, дорогой, спасибо! Если бы ты знал, как я тебе благодарен». – «За что?» – «За то, что

по твоей милости узнал цену истинной привязанности и любви. Человек очень часто уходит в мир иной, так и не узнав, как к этому факту отнесутся люди, которых он считает своими друзьями. Ведь это практически невозможно при жизни. Ты же мне такую возможность подарил. Пожалуйста, считай меня своим должником. Если будешь в Москве, обязательно заходи».

Я, конечно, пообещал, но, увы, слова не сдержал, хотя Леон Аршакович повторял мне свое приглашение в телефонных разговорах не раз и не два.

В последний раз Оников позвонил мне в начале 2000 года: «Мы сидим сейчас за столом с Женей Примаковым и поднимаем тост за твое здоровье. Еще раз спасибо за все! Имей в виду, я тебя жду. Приезжай».

К сожалению, воспользоваться приглашением Леона Аршаковича мне так и не удалось, о чем я сейчас глубоко сожалею. Лева Оников скончался в Москве 16 октября 2000 года. Я же навсегда сохранил в памяти эту историю – историю об одной журналистской ошибке.

«ВКЛЮЧИТЬ МОТОРЧИК ФАНТАЗИИ...»

■ Соб. инф.

«Только детские книги читать, только детские думы лелеять», – писал Осип Мандельштам...

Куда уходит детство? Как жаль, что я не ребенок! Будь я школьником, то не покидал бы это чудесное место! – подобные мысли всплывали в сознании участников Форума детской и юношеской книги стран СНГ и Грузии на протяжении всех дней (с 3 по 5 декабря), пока он продолжался. И основания для ностальгии по детству были, ведь организаторы Форума – сотрудники Российской государственной детской библиотеки – сумели сотворить на своем пространстве, без малейшего преувеличения, волшебный остров знаний, фантазии и любви. И библиотекари (преимущественно), издатели, писатели, приехавшие в Москву из разных городов России, а также из Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, находились под сильным впечатлением от увиденного. Что прежде всего поразило профессионалов? Уникальная, многофункциональная структура Детской библиотеки, представляющая собой одновременно культурно-просветительский центр для детей и их родителей и научно-методический и исследовательский центр по библиотечной работе с детьми и подростками, развитию педагогики, психологии и социологии детского чтения, библиографии детской литературы. Все почув-

ствовали также, что коллектив РГДБ во все свои начинания вкладывает душу и сердце.

Участникам Форума довелось побывать на экскурсии по необыкновенной лаборатории детского и подросткового чтения «#ЗнайЧитай» – она развернута на двух площадках, где юные книголюбы приобщаются к чтению по материалам истории русской письменности и русского фольклора, с использованием интерактивных элементов – и оценить масштаб проекта. Фишка в том, что все предлагаемое вниманию детей, эффектно, зрелищно, увлекательно. На «фольклорной» площадке ты оказываешься в ярких декорациях – в настоящей избушке на курьих ножках, в чудесном лесу, среди знакомых сказочных персонажей и волшебных предметов. В проекте «Сказка» активно использованы разнообразные видеоматериалы, инсталляции, игры. На другой площадке, посвященной письменности, дети постарше в доступной, игровой, наглядной форме узнают, как она зарождалась и развивалась. Проект «#ЗнайЧитай» дает возможность не просто рассказать детям историю возникновения знаковой системы фиксации речи, берестяных грамот, легендарного станка русского первопечатника Ивана Федорова и т.д., но основательно и серьезно увлечь маленького читателя, пробудить его неподдельный интерес к предмету.

Ведь игровая форма, игровые технологии способствуют легкому и приятному усвоению полезной информации.

Побывали гости и в Пушкинской комнате, где находится выставка «Книги и ароматы». Проект родился в 2018 году. В итоге была создана необычная коллекция «книжных» духов, посвященных поэтам и писателям, произведениям русской и зарубежной литературы, сказочным персонажам и литературным героям. Особое место на выставке «Книги и ароматы» занимает «пушкинская» коллекция духов: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Пиковая дама», «Шамаханская царица», «Пушкинская» и др. Еще одна коллекция под названием «Благоухание русской литературы» имеет отношение к таким произведениям, как «Анна Каренина», «Белые ночи», «Вишневый сад», «Темные аллеи», «Гранатовый браслет», «Мастер и Маргарита» и т.д.

«Это даже не библиотека – это театр!» – сказал на открытии проекта «#ЗнайЧитай» президент Российского книжного союза Сергей Степашин. Очень емкая характеристика как Детской библиотеки в целом, так и ее новых инициатив. Ведь театр и есть, по сути своей, игра! А в РГДБ действительно воссоздано образовательное и игровое пространство, соединились традиции и современность, реальность и виртуальный мир. На Форуме говорилось о том, что именно язык определяет национальную идентичность и мировоззрение, а сказки – фундамент, на котором строится детская литература. «Сказки развивают воображение, прививают понимание добра и зла». Об этом в своем обращении к участникам Форума сказала министр культуры России Ольга Любимова.

В программу Форума была включена лекция учителя литературы Школы «Ника», преподавателя кафедры мировой литературы Института русского языка им. А.С. Пушкина, победителя конкурса «Педагоги года Москвы – 2023», лауреата конкурса «Учитель года России – 2023» Сергея Валюгина – она называлась «Метод Толстого: чтение и (или) учение». Валюгин

Инна Безирганова и Анжела Лебедева

рассказал о необычной форме изучения в средней школе литературных текстов на примере пушкинских «Повестей Белкина»: он предложил ученикам сделать иллюстрации к произведениям. «Мы привыкли оценивать тексты, используя наш филологический подход, знания, но будет еще интереснее, если мы попробуем их рассмотреть с точки зрения пережитого опыта чтения и восприятия самих школьников. Важно, что у них останется после чтения, какие ими будут усвоены модели поведения. Если книга создаст полезный пережитый опыт с определенной моделью поведения ученика, то мы сможем сказать, что он читал и читает нужные произведения».

Таковыми нужными книгами, безусловно, являются и сказки. Так решили организаторы Форума, ведь его тема в 2025 году – «Фольклор как основа воспитания юного читателя: проекты, перспективы сотрудничества в странах СНГ». С докладами выступили представители всех стран-участниц. В них говорилось об особенностях народной культуры в странах СНГ, о проектах по популяризации чтения и традиционной культуры, духовно-нравственном воспитании через фольклор, инновационных формах библиотечной работы, лингвистических изданиях, роли детской литературы в формировании эмоционального интеллекта, современных подходах к изданию и продвижению детской литературы. Особое внимание

было уделено роли фольклора как основы межкультурного диалога.

Участница Форума из Грузии, член редколлегии журнала «Русский клуб» Инна Безирганова, представила детские издания Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» – их за многие годы активной издательской деятельности организации накопилось около 20-ти. В Тбилиси вышли в свет произведения знаменитых детских авторов, а также писателей, писавших не только для взрослых, но и для детей: Агнии Барто, Самуила Маршака, Корнея Чуковского, Александра Пушкина, Владимира Маяковского, Саши Черного, грузинских классиков в русском переводе – Ильи Чавчавадзе, Нодара Думбадзе, сборники русских народных сказок... В докладе И. Безиргановой подчеркивалось, что это не простые издания для детей: они предназначены для грузиноязычного читателя. По сути, это пособия по чтению, потому что в книги, кроме адаптированных текстов, включены лексические упражнения, упражнения по развитию устной и письменной речи, комментарии, словари. Выступающая заострила внимание на том, что детские издания МКПС «Русский клуб» проиллюстрированы молодыми грузинскими художниками, а «Сказка о рыбаке и рыбке» оформлена рисунками школьников – победителей конкурса «Веселое имя Пушкин», организованного «РК» в честь

225-летия со дня рождения поэта. Книги из Грузии были переданы в дар РГДБ.

По итогам профессионального общения участников Форума были отмечены высокий уровень организации и практическая ценность представленных материалов. Были сформулированы конкретные инициативы для развития сотрудничества: регулярный профессиональный обмен через ежегодные онлайн-семинары и конференции; запуск совместных издательских проектов, взаимное участие в национальных и международных профессиональных конкурсах; вступление в международные организации, обмен оцифрованными коллекциями книг и диафильмов, перешедших в общественное достояние; консолидация усилий для создания секций в Международном совете по детской книге (IBBY).

На Форуме говорилось и о значении оформления детских книг. Во время круглого стола прошла дискуссия на тему «Искусство рассказывать детям» с участием художников-иллюстраторов из стран СНГ, БРИКС и ШОС. Это был профессиональный диалог о визуальных интерпретациях фольклорных и авторских произведений, а также о роли народной культуры в формировании современного визуального языка детской книги. Круглый стол прошел в гибридном формате с синхронным переводом. Вели его Анастасия Архипова, художник-иллюстратор, заслуженный художник РФ, председатель секции «Книжная графика» Московского союза художников, академик Российской академии художеств, а также Анжела Лебедева, первый заместитель директора РГДБ, исполнительный директор Ассоциации «Растим читателя». Своё творчество представили: Нушин Сафаху (Иран), Таттыбубу Ырысбай кызы (Кыргызстан), Хао Лю (Китай), Нина Коровина (Казахстан), Зилола Хамидова (Узбекистан), а также два лауреата Премии Г.-Х. Андерсена – Игорь Олейников (Россия) и Роже Мелло (Бразилия).

По словам Игоря Олейникова, его цель – включить у юного читателя моторчик фантазии. «Дети должны понимать: можно что-то придумать, додумать, совсем не-

КНИГИ ОТ АВТОРОВ, ИЛИ КОНЕЦ МОСКОВСКОЙ ЭПОПЕИ

■ Нодар НИКУРАДЗЕ

В моей домашней библиотеке немало замечательных книг, подаренных самими авторами. Конечно, они мною прочитаны и не раз перечитаны. Но стоит пробежать взглядом по корешкам, как набегают волна светлых воспоминаний о многих интересных людях, с которыми мне когда-то посчастливилось познакомиться, и вообще – о том времени.

«ВАШ ВАЛЕРИЙ ФОКИН»

Как-то раз в наш ресторан на Трубниковском зашла симпатичная дама и заказала стол на вечер. Уходя, добавила, что будет режиссер из Питера. Вечером она пришла с Валерием Фокиным. Я не мог скрыть свою радость! И пока собирались остальные гости, мы побеседовали.

Я знал, что Валерий Владимирович является руководителем Творческого центра имени Мейерхольда (это оригинальное здание построили недалеко от нашего дома, на Новослободской улице) и художественным руководителем театра им. Пушкина – Александринки – в Петербурге. И высказал ему свое удивление и искреннее восхищение тем, что

ему удается работать на два города. А он был приятно удивлен моей осведомленностью. Когда же я добавил, что, бывая в северной столице, не упускаю возможности посетить музеи и театры, что был знаком с Рубеном Агамирзяном и с удовольствием прочел его книгу воспоминаний, он был просто потрясен – Фокин не ожидал, что директор ресторана настолько начитан в области искусства (признаюсь, в ресторанном бизнесе я, выпускник московской аспирантуры, кандидат наук, оказался в 1990-е годы вынужденно).

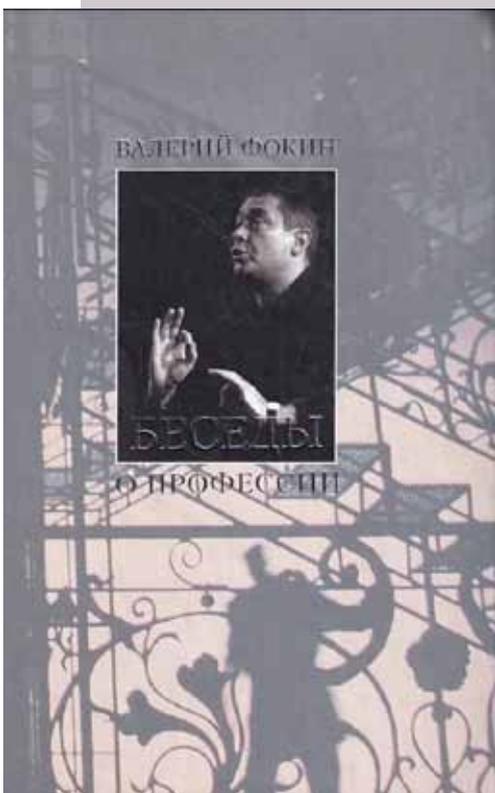
В далеком 1975 году я и профессор нашего Грузинского политехнического института Липарит Сергеевич Агамирзян были в командировке в Ленинграде. В то время брат профессора Рубен Сергеевич был главным режиссером театра им. В.Ф. Комиссаржевской. Вечером, после работы, мы почти каждый день ходили в этот театр. А после спектакля шли к режиссеру домой: пили чай, обсуждали увиденное, его сын Игорь, первокурсник университета, играл нам на банджо, которое отец привез ему прошлым летом из США. Только поздно ночью возвращались в гостиницу, напротив Исаакиевского собора. (Кстати, Рубен Сергеевич несколько раз спрашивал у профессора: «Неужели Нодару только 23 года?»). Через неделю мы уехали в Ригу – следующий город нашей командировки.

Много лет мы с Рубеном Сергеевичем обменивались поздравительными открытками. Я их хранил, а потом, в связи с переездами, они, увы, затерялись. Когда я писал эти воспо-

минания, подумал: может, хотя бы одну открытку я вложил в его книгу? Достая из книжного шкафа «Время. Театр. Режиссер» и... выпадает пожелтевшая вырезка из газеты «Известия» от 30.10.1991 г. – некролог под названием «Носитель доброты», подписанный всемирно известным дирижером Юрием Темиркановым. Приведу только первый абзац: «На 69-м году жизни в Санкт-Петербурге скоропостижно скончался Рубен Сергеевич Агамирзян, народный артист СССР, художественный руководитель Драматического театра имени В.Ф. Комиссаржевской. Он умер в театре, во время спектакля «Дни Турбиных»...

Несколько лет назад я увидел по телевизору репортаж об успешном бизнесмене из Питера Игоре Агамирзяне. Сейчас Игорь Рубенович – вице-президент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», входит в совет директоров УК «Роснано».

Однако вернусь к нашей беседе с Валерием Фокиным. Он поинтересовался, бывал ли я в Александринке, и мне было что ответить. Летом 1983 года я проходил военные сборы офицеров запаса в Военной академии тыла и транспорта в Красном Селе под Ленинградом. В субботу и воскресенье я был свободен и составлял себе культурную программу. Побывал в Петергофе, Царском Селе. В Александринке посмотрел два спектакля по пьесам современных авторов: «Молва» А. Салынского и «Из жизни деловой женщины» А. Гребнева (не могу не добавить, что Анатолий Гребнев – это псевдоним немца Густава Айзенбер-

га, уроженца Тбилиси, его сын – сценарист Александр Миндадзе, дочь – режиссер, драматург Елена Гремина. Удивительно талантливая семья!). Откровенно говоря, те два спектакля ничем не запомнились. Но зато в 2002 году мне посчастливилось попасть на «Женитьбу» Н. Гоголя, и я получил огромное удовольствие. А уж как сыграла Сваха актриса Кира Крейлис-Петрова – просто фантастика! Невозможно забыть.

Фокин согласился, что Кира Александровна – прекрасная характерная актриса. И пообещал, что в следующий приезд подарит мне свою книгу.

Долго ждать не пришлось. Через несколько месяцев Валерий Владимирович подписывал ее: «Уважаемому Нодару Шотаевичу! В знак его любви к Театру. Ваш Валерий Фокин. 2013 г.». Книга называется «Беседы о профессии. Репетиции».

«КАКОГО ЕЩЕ МИТЯЕВА!»

Немного отвлекусь (в назидание своим потомкам), продолжая при этом тему Санкт-Петербурга.

С конца 2001-го по октябрь 2002 года я занимался изданием сборника стихов «Родина» моего друга Александра Зюзикова и Вениамина Сторожука (скончался в 1994 г.) в Санкт-Петербургском издательстве «Журнал «Нева». В этот период мне часто приходилось бывать в северной столице (порой по два-три раза в месяц). Ездил я фирменным поездом «Красная стрела». Многие годы расписание его не меняется: отправляется в 23:55 и прибывает в 7:55, в обоих направлениях. День мой складывался всегда одинаково. Приезжал в Питер на Московский вокзал, который находится на Невском проспекте. Пешком, не спеша направлялся по проспекту в сторону Дворцовой площади, любясь красотами города: его историческими зданиями, мостами, памятниками. Заходил куда-нибудь позавтракать. В центральной театральной кассе покупал билет на вечерний спектакль в Мариинский, или БДТ, или Комиссаржевской, или Ленсовета и т.д. Билеты, как правило, были. Правда, однажды мне предложили билет на концерт барда Митяева, и я почувствовал себя оскорбленным:

«Какого еще Митяя-я-ева! Я его и в Москве могу послушать!» Так я доходил до Дворцовой площади и шел на пару часов в Эрмитаж – к Леонардо да Винчи, Рафаэлю, Рембрандту. Особенно долго стоял у полотна «Возвращение блудного сына». (Еще в 1980 году Саша Зюзиков сделал мне удостоверение члена Союза художников СССР, и все картинные галереи я посещал без очереди). Затем направлялся в издательство, благо оно находилось в двух шагах от площади, на Невском проспекте, 3. Там несколько часов работал с редактором, корректором, общался с коммерческим директором издательства А. Вознесенским и шел в театр. После спектакля иногда успевал поужинать – недалеко от вокзала находился хороший ресторан китайской кухни. Утром был в Москве. Но однажды, едва я вернулся в Москву, звонит Саша: «Нодар, надо ехать в Питер. Сегодня. Я там в кое-какие стихи внес изменения и вчера сочинил еще один». – «Саша, это невозможно – сборник уже в типографии. Они получат инфаркт. Сколько можно переделывать?» – «Надо, Нодар». Пришлось вечером снова ехать. Но зато впереди меня опять ждала культурная программа! Незабываемые дни...

ДРУЖБА ДЛИНОЙ В ПОЛВЕКА

Дружбе нашей с Александром Зюзиковым скоро будет

пятьдесят лет. К сожалению, не могу не написать о книге, которая стоит особняком. Она принесла мне много переживаний и отрицательных эмоций. Увы, эта книга имеет отношение к Саше.

Ну, все по порядку. Познакомились мы случайно, в очереди в кафе «Лира» на улице Горького, там, где спустя много лет открыли первый в СССР «Макдональдс». Я был со своим другом, Саша – со своим. Прождали мы больше часа, а очередь продвигалась крайне медленно. И я предложил съездить в другое кафе. Мы были очень молоды, неопытны и злых столичных мест не знали. (Это уже гораздо позже, когда мы стучали в дверь престижных заведений, будь то «Будапешт», «Night Flight» или «Кафе Пушкин», швейцары впускали нас, отстраняя очередь и говоря, что у них, мол, стол заказан). Остановили такси, и я обратился к водителю: «Везите в какое-нибудь молодежное кафе, где хорошая музыка и весело. Вы, московские таксисты, все знаете». Он сказал, что недавно в начале Кутузовского проспекта открылось кафе «Хрустальный», и его очень хвалят. Мы поехали.

Посадили нас за один стол. Пообщались. Время провели прекрасно. В конце вечера я незаметно отозвал официанта и оплатил оба счета. (Как обычно: тбилисцы всегда оплачивают счета и в Тбилиси, и в Москве. Единственный, с кем мне это не удавалось, – руководитель моей диссертационной работы Юрий Александрович Кременец, кото-

Александр Зюзиков

рый очень любил Грузию, часто сюда приезжал и хорошо знал наши нравы). Попрощавшись, записали телефоны друг друга. (Написал это предложение и подумал, что молодежь его не поймет. Но я описываю начало 70-х, а мобильный появился в конце 90-х).

Наша дружба – это отдельная, большая тема, и я собираюсь написать об этом. Мы попадали в разные ситуации, но всегда понимали и поддерживали друг друга. Саша – гениальный человек. Он философ, поэт, интеллеktуал, имеет огромную библиотеку и, обладая феноменальной памятью, может цитировать от Парменида, Гераклита, Лао-цзы, Аристотеля, Платона до Канта и Гегеля. У него глубокий аналитический ум и свое видение всего: начиная от картин различных художников, литературных произведений и заканчивая политикой и спортом. Мне всегда интересно ходить с ним в музеи, на выставки или смотреть футбольные матчи. Мы так сблизились, потом уже семьями, что я крестил его единственную дочь Елену, а своего младшего сына назвал Александром – в его честь.

Во время учебы в аспирантуре в Москве (с 1977 по 1981 гг.) я жил в общежитии, а потом снимал двухкомнатную квартиру у знакомых на улице Снежная. Саша часто приходил ко мне, иногда с ночевкой. По пятницам и субботам ходили в кафе или ресторан, и, поскольку в то время они все закрывались в 23 часа, то нередко мы продолжали вечер с новыми знакомыми у меня... (Спасибо моему отцу – холодильник всегда был полон едой и выпивкой). После защиты диссертации я вернулся в Тбилиси (хотя мне предлагали остаться на кафедре), но очень часто ездил в Москву: на научные конференции, специализированные выставки и т.д. Естественно, мы всегда встречались с Сашей. Затем наступило тяжелое время начала 90-х, и мне пришлось переехать в Москву. Теперь я ходил к нему домой на улицу Константинова. Его супруга Андреевна (так мы ее называли – умнейшая и добрейшая женщина) всегда уезжала на полгода на дачу, а потом вообще переехала туда

жить. Мы с Сашей подолгу беседовали. В основном это были его монологи. В то время он уже серьезно ушел в философию, и у него была потребность поделиться новыми мыслями, открытыми им закономерностями в области теории чисел, структуры слова, которые он часто воплощал в стихотворной или графической форме. Ему удавалось совместить, казалось бы, несовместимое, и он создал свою Знаковую Систему. «Что может быть проще и одновременно сложнее единицы и нуля? – говорил он на открытии своей выставки «Буква Ноль. Кабинет графики» в 2008 году. – Что может быть загадочнее и понятнее буквы? И, может быть, вся история математики и не только для каждого человека – это прежде всего история единицы и нуля. Преодолевая время превращений в природе, Буква Ноль приводит нас к триединству: в Пространстве, во Времени, Вечности. Сегодня мы стоим на пороге невероятных научных открытий и достижений. Пройдет не так много времени, и мы наконец-то достигнем главной цели сегодняшних учений: получим так называемые ключи к информационным полям, открывающие новые колоссальные возможности в области изучения природы человека. Каждый прорыв может и должен быть художественно осмыслен».

«ВДВОЕМ БИТЬ БУДЕТЕ?»

Однажды, когда я был у Саши, к нему пришел мужчина приблизительно моего возраста, невысокий, средней комплекции. Мы познакомились. Это был Михаил Волохов. Саша как-то говорил, что тот женился на француженке и живет в Париже, но часто приезжает в Москву. Пишет пьесы. Он был простым в общении, и мы скоро нашли общий язык. Изредка встречались. В 1997 году в Москве вышла его книга «Великий утешитель». Миша подарил ее мне с надписью: «Дорогому Нодару с пожеланием добра. 24 октября 1997 г.». В этот же вечер он пригласил нас с Сашей на спектакль по его пьесе «Игра в жмурики» в театре «Школа современной пьесы». Саша отказался, и я пошел с супругой. Приглашенных в

фойе театра встречали Волохов и постановщик спектакля, режиссер Андрей Житинкин. Спектакль начался, и некоторые зрители, услышав со сцены сочный мат, стали покидать зал. Мы досмотрели... Придя домой, я пролистал подаренную Волоховым книгу. Она меня не «зацепила», и я отложил ее «до лучших времен». А заглянув в аннотацию, прочитал следующее: «Михаил Волохов (р. 1955) – один из наиболее «неожиданных» и спорных драматургов. Успех к нему пришел в Париже, как это часто бывало с русскими писателями. Его пьесу поставил новатор французского театра Бернар Собель в Национальном центре драматургии. Автор придерживается стилистики театра абсурда и развивает традицию Жана Жене, Сэмюэля Беккета, Эжена Ионеско. Его герои изъясняются на сленге и мате, но Волохова интересует нравственный аспект их взаимоотношений. Первый сборник Волохова «Игра в жмурики» вышел в 1993, во второй, помимо уже изданных, вошли как новые пьесы, так и ранняя его пьеса «La Nature».

В этой аннотации нет ничего особенного, а почему я ее процитировал – будет ясно ниже.

Мы продолжали общаться. Помню, я пригласил Сашу и Мишу в Лужники, на матч Лиги чемпионов – играли московский «Спартак» и миланский «Интер». Игра была очень интересная. Правда, «Спартаку» не удалось удержать победный счет, и матч закончился ничьей – 1:1.

Как-то я был у Саши, позвонил Миша и сказал, что вышла его новая книга, и он сейчас привезет ее нам. Он приехал, подписал книги и, немного поговорив о том о сем, мы разошлись. Дома я рассмотрел подарок. Называется «Игра в жмурики» и выглядит довольно солидно. Подписана: «Нодару Никурадзе дружески, на добрую память с пожеланием Счастья и Добра! От Волохова Михаила 15.02.02 г. Москва». Прочел аннотацию: «Михаил Волохов (р. 1955) – настоящее открытие драматургии новой эры. Все время возвращаясь к теме философии убийства, автор придерживается стилистики театра абсурда, оставаясь в школе рус-

ского предметно-философского письма, выходит на глобальный уровень греческой, шекспировской классической трагедии, соединяя своим творчеством прежде несоединимые культурные эпохи. При содействии Эжена Ионеско «Игру в жмурики» Волохова там и в Германии пронзительно, на высочайшем уровне, поставил мэтр французского театра Бернар Собель. В России достойным первооткрывателем залежей пророческих мировых «философем» Волохова является один из наших самых многообещающих режиссеров Андрей Житинкин. Это первое издание в новой авторской редакции всех ранее опубликованных десяти пьес, а также трех новых. В сборник также включены сказка, роман-поэма и философское эссе «Театр Кайроса по сути», где впервые о русском мате, на котором основаны многие произведения Михаила Волохова, сказаны достойные слова».

А теперь сравните две аннотации – 1997 и 2001 года. Вот и я очень удивился: как это Миша за четыре года превратился в «мирового философа»? Раскрыл книгу. Первое произведение, эссе «Театр Кайроса по сути», написано в форме интервью, которое Михаил Волохов дает Никите Струве. В самом начале, на простой вопрос: «Сколько вы написали пьес?» отвечает: «Более полутора десятков. «Игра в жмурики», «Великий Утешитель», «Вышка Чикатило», «Непорочное зачатие» – это как бы Четырежды Единство. Ну и другие сами по себе, я считаю, написались на философском образном уровне объективно искреннего проникновения в Действительность». Я сразу обратил внимание, что и сама мысль, и стиль изложения, и выделение ключевых слов заглавными буквами, взяты от Александра Зюзикова. Дальше – больше. Рассуждения Волохова о девятом вале в контексте Пьесы: о Кресте Соборности, о Кресте Меры; о том, что Мертвые Души по сути Живые; о том, что западные европейцы убили Букву, они немые – «европейские немцы» в философском смысле и никогда не словят Единый Сакральный Язык Повествования – они люди Цифры, а не Числа. И что Чистой воды

родник в то же время и Ключ...

Я схватился за голову – все изложенное я слышал от Зюзикова много лет назад. Тут я не выдержал и позвонил Саше. Он сказал, что книгу пока не смотрел, но Миша в течение длительного времени все их разговоры записывал на видеокамеру, и у него около 20 кассет. Волохов говорил, что ему очень интересно, что он учится. И Саша все ему подробно рассказывал. Все стало ясно. Я попросил, чтобы он позвонил Мише и просто пригласил к себе на завтра.

На протяжении всего дня я продолжал читать книгу и сравнивать тексты пьес, изданных в 1997 году, с теми же текстами в новом сборнике. Все, все, чего не было в предыдущем издании, было буквально заимствовано у Зюзикова и вставлено в новое. И даже его прямые цитаты: «Прожили до седин – с прожидью как один», «Идеи непорочны – к ним никакая грязь не пристает», и даже рассуждения о Букве Ноль – открытии Саши.

Приведу небольшой фрагмент из трагикомедии «Великий Утешитель» – диалог одной из героинь с убийцей-неудачником, написанный абсолютно по Зюзинову:

Поля. И я полюбила тебя – такого убийцу. Убийц любят больше всего на свете. Убийство опьяняет, как любовь. Любовь – это жизнь. Жизнь – это смерть.

Тим. Мертвец – основание всего мироздания. Вещь стабильная, смиренная. Не зря же Гераклит сказал: смертью друг друга мы живем, жизнью друг друга мы умираем. Иск Истины – есть жизнь. Христос бы не воскрес, и никто бы его не полюбил, если б Его сначала не запертвили на кресте.

Поля. Крест – секрет.

Тим. Вот. Секрет фирмы.

Поля. Фирма – рифма. Рифму Христос показал на все четыре стороны Света.

Тим. Да. Поэтому мы и распинаемся каждый день в словах. И сейчас настало как раз то Время, когда любое слово и понятие следует распинать на Кресте – на Кресте соборности, на Кресте Меры – иначе мы ничего не поймем, иначе глупа была Смерть Его. Пример Его Смерти был

бы страшно глуп – что Человека распяли так и так Он пострадал. Природа стремится понимать, видеть свое лицо. Она не делает убийств. Это человек убивает обезлично себя и других. И если мы поймем меру – Смерть, как Мету Жизни – как Плод Нутра – мы поймем главное – мы поймем свое бессмертие в этом мире.

Поля. Ты как красиво знаешь Все. Тебе, наверное, очень одиноко?

Тим. Красота – это Истина. А Истина может быть только одна.

Молодец Волохов, и анаграммы использовал (крест – секрет, фирма – рифма), с помощью которых Саша часто расшифровывал слова. По-моему, эта книга – трагикомедия самого Михаила Волохова.

И как тут не привести прекрасное, глубоко философское и монолитное, как кристалл, стихотворение Александра Зюзикова:

*Родина – Иордан,
Чистой воды родник,
Всем ключам Ключ.
Мать-Земля обетованная.*

На следующий день, с утра, пошел к Саше. Показал книгу с моими подчеркиваниями, заметками на полях. Сказал ему, что мы должны быть предельно сдержанными, чтобы не сорваться. Я боялся, чтобы Саша его не ударил, поэтому попросил: «Прошу тебя, ты молча сиди. Говорить буду я». Через пару часов звонок в дверь. Заходит Миша и говорит: «Вдвоем меня одного бить будете?» Я заулыбался: «Зачем бить? Скажи, ты почему это сделал?» Молчит. Беру книгу, листаю. Спрашиваю: «Ты упоминаешь несколько раз Букву Ноль. Чья она?» – «Сашина». – «Вот тебе ручка, напиши». Пишет на полях: «Буква Ноль от Зюзикова Александра». – «Подпишись». Ставит подпись. «Так тебе долго придется подписывать. Вот мой и Сашин экземпляры – напиши на первых страницах все как есть». Он написал, и мы попрощались. Саша бросил ему вслед: «Блеснуть шукарством захотелось». На моем экземпляре сделана следующая надпись: «Духовному наставнику благодарен перед Вечностью Всевышнему Зюзинову Алексан-

дру, с кем связан Судьбою более 20 лет, чьи мысли, идеи меня пропитали насквозь. 17.02.02 (подпись)». Красиво написал, словами Саши, мерзавец.

Волохов поступил очень хитро. В эссе в форме интервью, в своих монологах-рассуждениях он постарался охватить максимальное количество философских вопросов, над которыми работал А.З., используя его ключевые термины, выводы, цитаты. Говоря от первого лица, он фактически присваивает их, «легализирует» как свои. Затем он отредактировал большинство ранее написанных пьес и вложил в уста персонажей мысли Зюзикова уже как свои. А когда в упомянутом выше интервью у него спрашивают, кто из философов ему ближе всех, он называет Льва Шестова. И нигде в книге нет никакого упоминания философа и поэта Александра Зюзикова. Потому что у него была цель все присвоить себе.

После этого случая стало очевидно, что Саше необходимо больше публиковаться, чаще выступать на конференциях. Я инициировал его выступления с докладами на кафедре философии в рамках 60-й Ежегодной научно-исследовательской конференции МАДИ (Москва, 2002); на кафедре философии XVI Ежегодной научно-практической конференции РАН (Москва, 2003). В 2006 г. было опубликовано мое большое интервью с А.З. в газете «Ноев Ковчег». В 2008 году в Центре современного искусства М'АРС прошла уже упомянутая выставка работ А.З. «Буква Ноль. Кабинет Графики». К открытию выставки был отпечатан каталог, в котором каждая работа (Зюзиков называл их «исследование») сопровождается стихом, «приоткрывающим завесу особого непознанного мира». Открытие выставки освещали представители прессы, телевидения. Прекрасную статью в журнале «Огонек» написала Мария Полячая. Она отмечает, что в своих цветовых и числовых исследованиях Зюзиков является продолжателем Платона и Пифагора, для которых за привычными словами и цветовыми образами лежал совершенно другой мир – мир единого поля символов и отражения в них

Сэр Эрнест Резерфорд и его водитель. 1914. Фото Н. Шилова.
Из личного архива Б. Стечкина

божественного света, а цветовые и числовые формулы – это драгоценности, скрывающие в себе истину. Кстати, мне очень нравится, как Саша подписал мне каталог выставки: «Нодару, другу и товарищу по борьбе за счастье друг друга 21/10 2008 г. В день моей персональной выставки».

С интервью в «Ноевом Ковчеге» оказались связаны интересные события, которые касались и Саши.

С декабря 2005 года я работал директором ресторана «Дворик на Сенной», недалеко от Старого Арбата. Как-то раз зашла пара. Мужчина, приблизительно моего возраста, представился: «Академик Стечкин». Я ответил: «Очень приятно, доцент Никурадзе». Он хотел меня удивить, но удивился сам – не представлял себе руководителя ресторана с ученой степенью. А когда я спросил, не родственник ли ему академик Стечкин – разработчик реактивных двигателей самолетов, он совсем опешил: «Я думал, вы спросите про создателя автомата-пистолета Стечкина». А я ответил:

«Да, это было бы более логично для работника ресторана. Но я учился в аспирантуре МАДИ, и на третьем этаже, у входа на кафедру двигателей, установлена мраморная доска с надписью, что на этой кафедре работал академик Борис Сергеевич Стечкин». – «Я его внук и полный тезка – Борис Сергеевич Стечкин-младший». Так мы познакомились, а потом и сблизились. И тут как раз вышел номер «Ноева Ковчеха» с интервью. И поскольку Борис Сергеевич – математик в третьем поколении и к тому же пишет стихи, то его мнение было особо интересно. Он пригласил нас с Сашей к себе домой, в район Старого Арбата. Саша принес свои графические материалы, рассказал о разработках, в частности, о существовании некоторых функций координат, которые являются системами отчета для собственных волновых функций; о Мета Языке, имеющем свою Знаковую Систему, самодостаточную для выражения любого понятия в математике. Стечкина заинтересовали эти вопросы, они подробно поговорили,

и Борис Сергеевич отметил, что тема обширная, требует специального исследования, попросил держать его в курсе, пожелал успехов и подписал свою книгу по математике Саше. А через пару дней звонит мне: «Ты на работе? Я сейчас зайду». Приходит и говорит: «Мне так понравился твой последний абзац в интервью, что я решил сделать тебе подарок». И достаёт из пакета копию фотографии в рамке с паспорту и под стеклом. На фото изображены Резерфорд в костюме, при галстукке и молодой человек в плаще и фуражке (его водитель) на фоне автомобиля. На паспорту надпись: «Дорогому Нодару от правнука первого русского коллеги профессора Резерфорда, (подпись) 22.02.2006 г.». А на обороте: «1914 год. Англия. Фото делал профессор Николай Александрович Шилов». Борис Сергеевич сказал, что эта фотография никогда не публиковалась и хранится в его семейном архиве. Мне было очень приятно. А еще через два месяца он меня опять удивил – принес книгу «Стечкин» из серии ЖЗЛ с надписью: «Дорогому Нодару Сердечно! (подпись) 12.04.06». Сказал, что отдыхал с Марианной на юге, где они и купили книгу в букинистическом магазине. У них такая книга есть, а этот экземпляр решили подарить мне. Я был счастлив. Книгу прочел за несколько дней – очень интересная, много фактов, уникальных фотографий. А Николай Шилов, автор фотографии с Резерфордом и всемирно известный ученый-химик, оказывается, был тестем Бориса Сергеевича-старшего. В Первую мировую войну действительный статский советник Шилов был первым начальником химической службы русской армии, а еще – изобретателем противогАЗа.

Читатели, конечно, уже заметили, что мне никак не удается писать коротко – клубок воспоминаний все разматывается и разматывается, а конца и края не видно. Придется привести и тот последний абзац интервью, который пришелся по душе академику Стечкину: «Как говорил известный физик Резерфорд, истина в своем признании про-

ходит три этапа: первый – этого не может быть, второй – а в этом что-то есть, и третий – это всем давно известно. Я желаю вам, да и всем нам, чтобы ваши открытия пришли бы к третьему этапу как можно скорее и воплотились в жизнь».

Добавлю, чтобы закрыть тему, создатель известного автомата-пистолета – это Игорь Стечкин, племянник Бориса Сергеевича-старшего.

Когда я уже заканчивал эту часть воспоминаний, то позвонил Саше (это было в марте 2021-го) и спросил о Мише. Оказывается, через некоторое время после нашего расставания, он позвонил один раз и как бы посоветовал Саше не стихи писать, а математикой заниматься. Как сказал Саша: «Он, наверно, боялся, что через опубликованные стихи меня узнает широкая публика, а с математикой – только узкий круг». И еще он вспомнил: «Миша бегал в издательство, переделывал книгу, ругался там. Торопился. Он защитил книгу авторскими правами и спросил меня – а вы защитили?». А мы об этом и не думали. Наивные были. Но вот самое главное, что вспомнил Саша: «Я попросил у него записку про Букву Ноль. Я ее тогда только-только разрабатывал. Он мне принес аудиокассету, хотя записывал на видеокассету. Звук был очень плохой, и я даже свой голос не узнал – он был искажен. Мне это не понравилось». Что это, если не дополнительные факты, свидетельствующие о том, что Миша с самого начала планировал свое... скажем как есть – преступление.

Раздумывая над тем, как завершить историю с украденными идеями, я наткнулся на статью писателя Юрия Полякова «Зачем карманнику запонки?» Он пишет: «Профессионализм в литературе – это не только владение словом, сюжетом, диалогом... это также представления о внутрицеховой этике, где главная заповедь: не укради! Наше поколение учили, что цитаты надо «кавычить», что, заимствуя чьи-то идеи, мысли, повороты, соображения, находки, надо непременно указывать первоисточник, неважно – в сноске,

предисловии или послесловии». И там же, в конце: «Для автора, не владеющего основами литературного ремесла, профессиональная порядочность – пустой звук. Это как карманнику запонки – только работать мешают». Лучше не скажешь.

А в случае с Волоховым – вдвойне аморально пытаться представлять «философами» героев-преступников своих пьес, вкладывая в их уста сворованные философемы у своего товарища, который к тому же был его свидетелем при регистрации брака в ЗАГСе.

Александр Зюзиков продолжает активно заниматься философией. Поделюсь с вами некоторыми выдержками из нашего последнего телефонного разговора – они дают представления о тех задачах, над которыми он работает: «Одна из основных задач квантовой математики – математизация философии. Математизация философии есть триумф самой философии, поскольку все ее основные понятия и принципы (прежде с математической точки зрения никак не обоснованные) приобретают способность абсолютно надежного математического знания.

Метафизика в западном понимании этого слова (мета-наука без мета-языка) утрачивает свою «аргументацию» и переходит в разряд псевдонаук, также как и псевдодиалектика в ее вульгарном «классическом» виде. Диалектика без метафизики – мертва.

Слог – понятие, равноценное понятию квант. Слог – логико-математическое понятие, а квант – физико-математическое. Но они – слог и квант – эквивалентные понятия».

У меня очень много материалов наших бесед: исписанных мною блокнотов и более 40 аудиокассет, начиная с 1994 года, уже переведенных на CD и флешки. Более 30 папок с рукописными расшифровками. Считаю своим долгом все это сохранить для наших потомков, а возможно, и для будущих историков...

Окончание следует

АННА АХМАТОВА. ПАМЯТНИК САМОЙ СЕБЕ

■ Дмитрий АНИКИН

Есть в Евангелии от Матфея притча о талантах: «Одному дал он пять талантов, другому – два, и третьему – только один, каждому в соответствии с их способностями, сам же уехал. Тот, что получил пять талантов, тотчас пустил их в оборот и нажил еще пять.

Получивший два таланта таким же образом нажил еще два. А тот, который получил один талант, пошел, выкопал в земле яму и спрятал в ней деньги своего господина».

А бывает тот, кто получает один талант, но настолько выгодно пускает его в оборот, что на выходе – пять. И господин не знает, что делать с таким рабом.

«Юность моя – юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать мое поведение могут только великие деяния», – писал о себе Брюсов. Юность Ахматовой, с ее лунатизмом, ее любовным дурманом, не обещала гениальности. Это была юность декадентки, модернистки, модной поэтессы. Все ярко, все символично, все соответствует духу эпохи. Ахматова, бродящая ночами по коридорам Смольного, – это сцена для дурного фильма с прицелом на дешевую мистику. Тут еще нет русской литературы.

Гумилев часто сравнивал ее со змеей, и у других это сравнение было ходовым. Она была гибкая, как змея, и такая же опасная, такая же хладнокровная.

*Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.*

Гумилев и Ахматова. Этот брак действительно был заключен на небесах. На землю идеальный небесный образ отразился в виде искаженном и

мучительном. Как они ни противились, но обе их поэзии, пошедшие от единого анненского корня, постоянно переплетались ветвями. Все остальные были призваны в акмеизм только для того, чтобы семейственность этого дела не выглядела такой явной. Может быть, это была одна поэзия на двоих. Инь и ян. После смерти Гумилева Ахматовой приходилось справляться одной.

Городецкий называл Ахматову «моя недоучка». Каково слышать такое от самого бездарного поэта эпохи? Но в чем-то он был прав, Ахматова пришла в поэзию человеком необразованным. Учила языки и изучала мировую литературу уже в зрелом возрасте, уже состоявшись сама. Это странный опыт – впервые прочитать Данте, как равный равного.

И Ахматова, и Гумилев писали до крайности безграмотно. Гумилев утверждал, что при том, сколько книг он прочел, его безграмотность – это признак кретинизма, а кретинизм – гениальности. Когда видишь рукопись Ахматовой, вообще кажется, что писал не просто малограмотный, но человек, для которого русский неродной. В ее рукописях можно найти: «выставка», «разсказал», «оплупленный». Вот уж когда поверишь в происхождение от татарской княжны.

О себе Гумилев писал:

*Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.*

Ахматова, как истинная змея, меняла кожу, а душа старела и росла. Другое дело, что кожа зачастую сдиралась вместе с мясом. Ну так отечественный

способ выделки! А душа неестественно, не по годам, росла, так часто кожу сдирали.

Никто не сумел с таким достоинством прожить свою грешную жизнь.

С возрастом Ахматова становилась все больше похожа на Екатерину Вторую – Анна Великая, императрица Всея Руси.

«Прервалась связь времен». Ахматова оставалась единственной, кто эту связь поддерживал. Вокруг нее дышалось не воздухом Серебряного века, но воздухом пушкинской, дворянской России.

В греческой культуре поэтов оценивали по степени близости к Гомеру. Так, из девяти великих лириков гомеричнейшим считался Стесихор. Самым пушкинским поэтом двадцатого века была Ахматова.

Ни один поэт не может получить пушкинское наследство целиком. Юмор, беспокойный ум, полемический задор Ахматовой не достались.

О Любви Блок, всеобщей Прекрасной Даме, Ахматова сказала: «Бегемот, вставший на задние лапы». Ненавидела Наталью Гончарову, презирала Лилю Брик. Нечего в поэзии

было для нее важнее самой поэзии.

*А если когда-нибудь в этой
стране
Воздвигнуть задумают
памятник мне...*

Ахматова первая после Пушкина без иронии заговорила о памятнике себе.

Понятно, откуда взялись все эти пакостные книжонки, разоблачающие Ахматову. Слишком законченным, слишком целостным получился ее образ, так и тянет как-нибудь выщербить. Таких людей не бывает в жизни, такие бывают только герои в классической литературе.

Ариадна Эфрон то ли сама, то ли передавая слова матери, сказала об Ахматовой: «Она — само совершенство, и в этом ее предел». Это был предел не Ахматовой, это был предел самой поэзии.

Гениальность не врожденная, но приобретенная. Наверное, единственный случай в русской, а может быть и в мировой поэзии.

«Какую биографию делают рыжему», — сказала Ахматова, узнав об аресте Бродского. Настоящая биография поэта —

это список написанных и прочитанных книг, все остальное — маргиналии. Бродский всю оставшуюся жизнь пытался отделаться от своей биографии, он хотел, чтобы его ценили как русского поэта, а не как жертву режима.

Лев Гумилев упрекал мать: «Тебе было бы лучше, если бы я сгинул в лагере». Ей было бы хуже, а мифу лучше.

У нее были свои истории, анекдоты: продуманные и затверженные до последнего слова, они должны были казаться слушателям импровизацией. Она называла эти приспособления для table-talk «мои пластинки».

Ахматова так тщательно выстраивала свой миф, что не заметила, как его переросла. Для того чтобы звучала любовная лирика и даже трагические стихи 20-х годов, нужна была поза, нужны были тщательно проработанные модуляции голоса, нужен был подтекст, обеспеченный нелитературными средствами, нужна была биография. А вот «Реквием» и «Поэма без героя», поздняя лирика не нуждаются в знаковом авторе. Кто угодно подойдет: хоть та, кто трехсотая с передачею, хоть

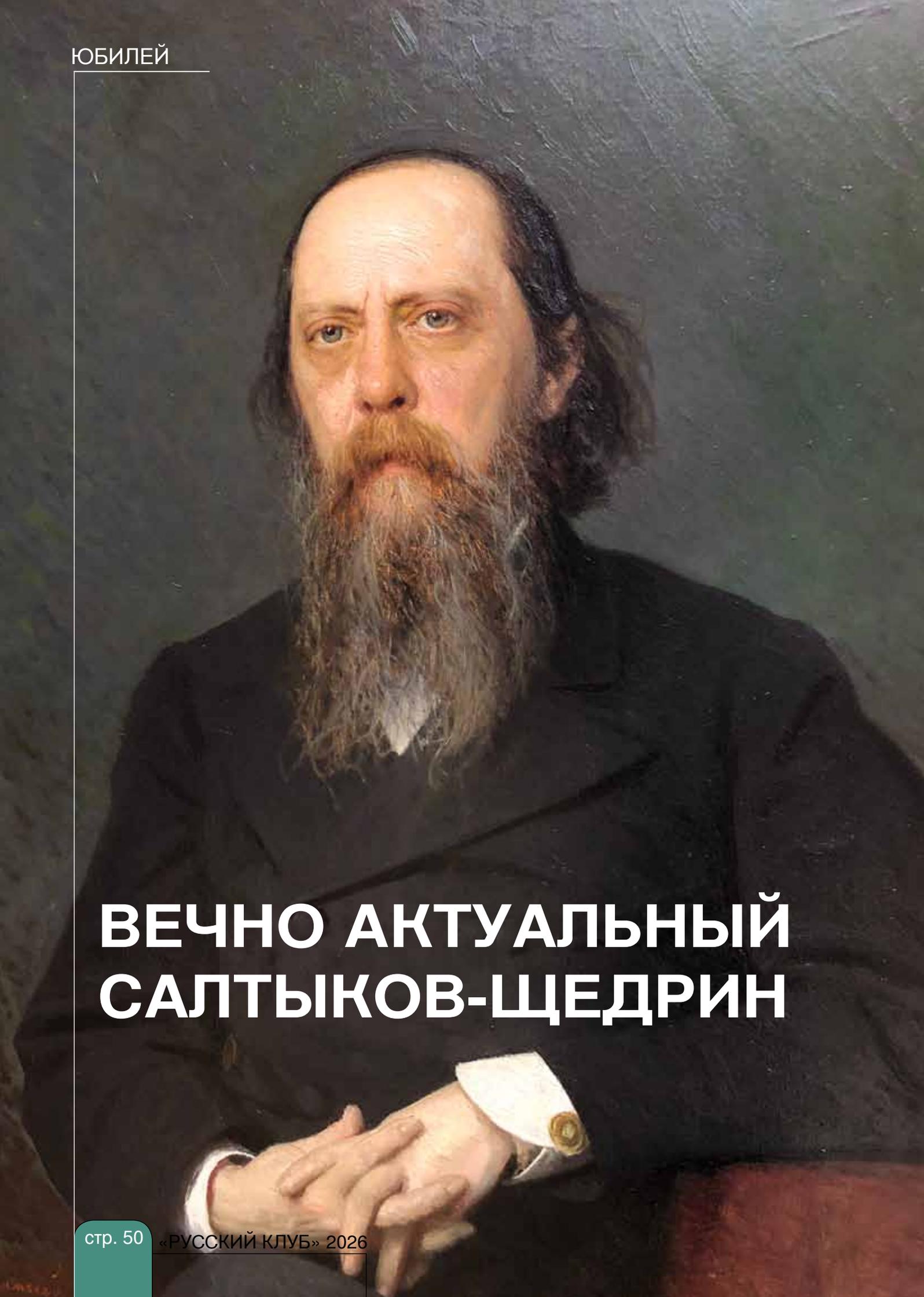
аристократка и богачка, — ничего не прибудет и не убудет.

Так что разоблачители Ахматовой, может быть, работают на благо ее поэзии. Как на Суд Божий душа человеческая является без лишних атрибутов вроде имени и судьбы, так и поэзия имеет значение только сама по себе. Пушкину и в голову бы не пришло заботиться о том, как он будет выглядеть в воспоминаниях современников. Кстати, когда Ахматова писала о Пушкине, то понимала, что поэт в обычной жизни должен быть бестактен. А вот когда речь шла о ней самой, то какие-то провинциальные страхи сдерживали ее живую натуру. Может быть, эти страхи и оставались единственной подлинной чертой в каноническом облике Анны Всея Руси.

Обычные стихи стесняются своего автора, стихи гениальные принимают свое сомнительное происхождение как должное.

*Когда б вы знали, из какого
сора...*

Простим поэту его биографию, люблю, даже самую прекрасную!

A detailed oil painting portrait of Ivan Saltykov-Shchedrin. He is depicted from the chest up, wearing a dark, high-collared coat over a white shirt with a visible cuff. He has a long, full, grey beard and mustache, and his hair is dark and slightly wavy. He is looking directly at the viewer with a serious expression. His hands are clasped in front of him, resting on a surface. The background is a dark, textured grey.

ВЕЧНО АКТУАЛЬНЫЙ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

■ Дмитрий БЫКОВ

Салтыков-Щедрин, увидев, как много народу его помнит, перечитывает и прилагает его сочинения к текущей политической реальности, думаю, был бы сильно удивлен. Он искренне полагал, что его сочинения не переживут тех пестрых, как он выражался, времен, как он сам обозначал восьмидесятые, и уж тем более не переживут девяностые, до которых он не дожил, но которые предвидел, — эпоху так называемой пореформенной реакции.

Сам он незадолго до смерти сказал одному из своих ближайших друзей — Алексею Унковскому: «Не то жаль, что умрешь, а то, что после смерти помнить будут одни анекдоты». Эти слова оказались пророческими, как и многое из того, что он говорил.

Из всей русской классики Салтыков-Щедрин был, вероятно, самым неприятным человеком. Пожалуй, в этом смысле он может конкурировать с Некрасовым, который тоже много настрадался от собственного ужасного характера, приступов черной ипохондрии, которые укладывали его лицом к диванной спинке на трое суток, от сложных отношений с женщинами и так далее. Но у Салтыкова-Щедрина не было даже тех развлечений, какие были у Некрасова. У Некрасова их было три: карточная игра, в которой он не знал себе равных, умел даже не только выигрывать, но и проигрывать нужным людям; охота, свидетельства которой легко можно обнаружить в знаменитой некрасовской квартире на Литейном, где всех начинающих авторов встречал огромный медведь, стоящий на задних лапах, чтобы они знали, куда попали, и это, пожалуй, правильно; в-третьих, разумеется, Некрасов не чуждался женской любви, имел склонность по сердечному порыву достаточно многих людей к себе приближать, и хороши этот и поныне, в отличие от донжуанского списка Пушкина, не выявлен, Некрасов был прекрасным конспиратором.

Салтыков-Щедрин никогда не охотился, ненавидел карты и называл их пустой тратой време-

ни и был всю жизнь верен своей жене — единственной своей Лизе.

Человек, который, действительно, весь ушел в литературу, который, помимо литературы и некоторых попыток государственнической деятельности, не занимался ничем, его ничто не отвлекало. Некрасов в 1875 году, зная, что смертельно болен, его назвал своим единственным другом и завещал ему, по сути дела, всю русскую литературу. Некрасов его одного видел преемником. Хотя после первой встречи с ним писал Тургеневу: «Видел Салтыкова — пренеприятный, пренеблаговоспитанный, грубый господин с трубным голосом, кажется, страшно самовлюбленный». Представить себе самовлюбленного Салтыкова очень трудно, потому что это был человек, который, кажется, с одинаковой страстью ненавидел и все вокруг себя, и самого себя. Но не потому, что таков был его нрав, а потому, что он исходил из весьма строгих и чистых представлений об идеале. К сожалению, все вокруг этот идеал оскорбляло.

Салтыков-Щедрин, наверное, самый sentimentalный из всей великой русской классической плеяды. Представить себе, что человек, написавший циничнейшие русские памфлеты, безнадежнейшие русские сатиры, так мучительно рыдал от жалости ко всем, кстати, и в зрелые годы тоже, очень сложно. Но если вспомнить «Пропала совесть», если вспомнить «Рождественскую сказку», странную сказку о том, как мальчик умирает после проповеди о Правде, потому что сердце его переполнено восторгом и он не может этого вместить, — мы поймем и этого, другого Щедрина.

Салтыков-Щедрин не был славянофилом и не был западником, и, строго говоря, его отрицание русской действительности базируется не на западнических и не на либеральных, и не на каких-либо других прозаических началах, оно стоит на глубочайшем религиозном отвращении к мирскому, на глубочайшем, страстно воспринятом идеализме, причем не немецкого, ненавистного ему, а французского толка.

Он и в детстве начинал со стихов, и вообразить Салтыкова-Щедрина, пишущего стихи, ну, проще представить танцующего Толстого. Но еще сложнее представить себе Салтыкова-Щедрина, воспитанника Царскосельского лицея, который искренне готовит себя к пушкинской поэтической карьере. В Салтыкове-Щедрине всегда сидел оскорбленный, отторгнутый от дома несчастный ребенок, который страдает в холодном Петербурге, и в Царскосельском лицее, вообразив себя поэтом (а он очень гордился тем, что он — тринадцатый выпуск того самого пушкинского лицея), он пишет стихи о русских равнинах, покрытых снегом, о песнях колокольчика, о любви ямщика, и все это дышит невероятным идеализмом, невероятной нежностью ко всем этим пространствам.

После выпуска он сразу же получил место в военном министерстве, ненавидел эту работу, он никак не мог понять, зачем он должен это делать.

В 1848 году, испугавшись французской заразы, Николай Павлович, который перед этим уже двадцать три года подмораживал Россию, решил заморозить ее окончательно. Прекратилась и та несчастная, робкая литературная и политическая жизнь, которая была. Да тут же умер еще и Белинский. И наступил абсолютно беспросветный этап, который уж нам-то с вами хорошо понятен, потому что дело было даже не в репрессиях, дело было в абсолютной безнадежности всего. И когда в России неожиданно настал этот чудовищный заморозок, который ничего уже не изменил, а только все испортил, Салтыков-Щедрин оказался одной из первых его жертв. Его, который всего-то написал две повести обличительного направления, выслали в Вятку, и не преуспевающим чиновником военного ведомства, а несчастным писмоводителем. Ему приходилось обрабатывать, перерабатывать, перелопачивать сотни никому не нужных справок. Ссылка была бессрочной. Все его ежегодно подаваемые жалобы, все его униженные мольбы, чтобы ему разрешили пусть не Петербург,

не Москву, но хотя бы что-нибудь поближе, – все это немедленно заворачивалось. Здесь бюрократическая машина срабатывала очень быстро. Он мгновенно получал отрицательный ответ.

Семь лет с его двадцати двух до двадцати девяти провел он в уездных русских местах. Насмотрелся на них. Прекрасно понимал всю меру идиотизма этой жизни. И изобретенный им протагонист Щедрин, под каким псевдонимом он всю жизнь с тех пор и писал, поняв, что под псевдонимом оно надежнее, этот самый персонаж из «Губернских очерков» занимается в книге главным образом одним – он ездит и плачет. То есть он плачет, разумеется, не буквально. Он ноет. И только в 1855-м, когда Николай Павлович освободил наконец от себя замороженную им страну и приказал долго жить, к огромному облегчению мыслящей России, для Салтыкова-Щедрина забрезжила надежда. Очень скоро было пушено словцо «оттепель», которое придумал не Эренбург, а Федор Иванович Тютчев, и не в 1953-м году, а в 1855-м. Случилась оттепель. Как видите, столетний цикл никуда не девается. И Салтыков-Щедрин был немедленно прощен и возвращен в литературу, и поощрен к литературным занятиям, и «Губернские очерки» немедленно были напечатаны.

Вскоре после этого Салтыков-Щедрин задумывает главное свое произведение. Собственно, относительно главного произведения расходятся мнения. Кто-то называет «Головлых», кто-то – «Современную идиллию», которую многие, в том числе Ленин, считали лучшей панорамой русской жизни – всей, от деловой до светской, от крестьянской до чиновной. Но мы склонны думать, во всяком случае, я и большинство моих друзей-единомышленников, что все-таки его основное произведение – это «История одного города».

Получилось с ней вот как. Салтыков-Щедрин в 1857 году, познакомившись с Некрасовым и сильно не понравившись ему, тем не менее привлек его сердце тем, что вовремя сдавал обозрение, это для «Современника» была большая редкость. Как

человек, проработавший некоторое время ответственным секретарем, могу вам сказать, что это и посейчас явление весьма экзотическое – человек, вовремя сдающий текст. В результате Салтыков-Щедрин был приглашен в «Современник» писать ежемесячные обозрения под названием «Наша современная жизнь». Он их писал вполне успешно. Ему надоела очень быстро наша современная жизнь. И он решил писать ее в некоем метафорическом виде.

Он выдумал город Глупов, стоящий на берегах реки Глуповицы, и принялся в пародийной форме изображать сначала Глупов дореформенный, а потом, после 1861 года, Глупов пореформенный. Эта метафора ему настолько понравилась, что постепенно, отвлекшись от основных своих занятий журнальных, он в течение полугода написал этот замечательный текст – «История одного города». Текст, который не имеет жанрового обозначения.

Я рискнул бы сказать, что «История одного города» – это такая русская «Илиада» и «Одиссея» в одном флаконе, поскольку нацию вообще делают две эпические поэмы: поэма о войне и поэма о странствиях. И вот они у Щедрина сошлись в этом тексте. Удивительно вот что: как мы знаем, Дон Кихот Ламанчский, например, задумывался как пародийный герой. Великая книга получилась случайно. «Гаргантюа и Пантагрюэль» задумывалась как сатира. Я не говорю уже о том, что «Легенда об Уленшпигеле» задумывалась как веселое продолжение народных сказок об этом странном, вполне реальном персонаже. Я уже молчу о том, что и Гашек писал своего «Швейка» в полной убежденности, что он пишет роман-фельетон. Вообще, чем серьезней твои намерения, тем хуже у тебя, как правило, получается. Единственное исключение, наверное, составляет Лев Толстой, который захотел написать русскую «Илиаду» и написал ее. Бывают такие счастливые люди, у которых все получается. В принципе же, для того, чтобы получилось что-то великое, нужно, по всей вероятности, писать с заведомо

несерьезными намерениями. Салтыков-Щедрин полагал, что пишет пародию на «Историю государства Российского». Вышел у него великий трагический эпос о русской судьбе, который приложим решительно ко всему, что здесь происходит.

Есть огромный разрыв между первой главой «Истории одного города», абсолютно иронической, издевательской, содержащей великолепный перечень градоначальников, и его страшным финалом, тем катастрофическим, эсхатологическим ужасом, который веет над последней фразой Угрюм-Бурчеве: «Оно пришло!» Что «ОНО» – не расшифровывается. История прекратила течение свое. Пришла на Россию последняя гибель.

Когда мы сегодня перечитываем биографию Грустилова, или Угрюм-Бурчеве, или Брудастого, «Органчика», который знал две фразы – «Разорю!» и «Не потерплю!», а впоследствии, сломавшись, мог говорить уже только «плю», мы обнаруживаем поразительную вещь – Салтыков-Щедрин в этой книге изложил всю абсолютно типологию русской власти. Здесь не может появиться президент, или царь, или премьер, который бы не вписывался в эту парадигму. Как Менделеев одновременно с этим создал свою периодическую таблицу, так Щедрин начертил периодическую таблицу всех русских политических элементов, всех элементов русской жизни.

Сцена пожара, пожалуй, переломная в романе (будем называть это романом вслед за многими исследователями). Здесь кончается весь юмор. Всем было весело, и вдруг, как пишет Щедрин, «человек стоит перед картиной своего рухнувшего мира». Почему произошел пожар? Потому что никто не предпринимал никаких мер к его предотвращению. И в этом абсолютно точная формула всех русских реформ. Они пришли не тогда, когда назрели, а тогда, когда так уже больше нельзя. И происходят не потому, что кто-то их запланировал, кто-то их грамотно провел, а просто потому, что рухнул дом, в котором жили. Это поразительное предвиде-

ние. Оно, конечно, составляет стержень «Истории одного города». Ведь глуповцы с самого начала живут в предчувствии того, что на них эта последняя гибель прилетит. И она неизбежно на них прилетает, потому что они делают для этого все возможное с самого начала. И потом таинственным образом возрождаются. Потому что ничего другого здесь на этом месте произойти не может.

Окончательный конец истории, — я думаю, что эта антиутопия еще не сбылась над нами, — происходит только после Угрюм-Бурчеева. Почему же? Потому что Угрюм-Бурчеев — это первый глуповский градоначальник, в котором не остается ничего человеческого. Он лишен главного — в нем начисто отсутствует сострадание. Угрюм-Бурчеев — прохвост, палач. Угрюм-Бурчеев с его маленькими светлыми стальными глазками, Угрюм-Бурчеев, в котором нет никаких человеческих чувств — ни милосердия, ни умиления, ни сострадания. Прежние градоначальники были идиоты, но в них было хоть что-то, даже Органчик мог сломаться, а Угрюм-Бурчеев сломаться не может, потому что его любимое занятие — это маршировать во дворе, самому себе подавать команды и самого себя пороть шпицрутенами. Конечно, в нем угадывается Николай Павлович, угадывается в нем и Аракчеев, угадываются в нем и все бывшие и будущие лидеры России, которые пытаются вести страну по так называемому мобилизационному сценарию, который выражается в том, что все глуповцы проходят через один и тот же работный дом, получают там один и тот же кусок хлеба с солью, а семейные пары, по мнению Угрюм-Бурчеева, подбирать стоит не по любви, а по физическому сходству, по росту и комплекции. И ночью дух Угрюм-Бурчеева витает над этим страшным городом, следя, чтобы не было противоположительных снов. Вот это гораздо страшнее, чем проект «О введении единомыслия в России», привидевшийся в то же время Козьме Пруткову. Это эсхатологическая фигура, фигура космического масштаба. И когда Щедрин писал «Историю одного

города», он сам по-настоящему изумился тому, что из невинной шутки у него получилось мрачно-ватое пророчество.

Тут надо сделать отступление. Представьте себе, этот человек абсолютно искренне купился на то, что в России возможны великие преобразования. И пока правая его рука писала «Историю одного города», левая совершенно искренне пыталась управлять государством. Поскольку он пострадал при прежнем режиме, ему в порядке компенсации предложена была та же чиновничья работа, но в гораздо более приличных местах: вице-губернатор Тверской губернии. И он начал там преобразования.

Был в творчестве Щедрина этот несчастный период, примерно семилетний, с 1857 по 1864 год, когда он был искренне убежден, что надо что-нибудь делать. Удивительно: некоторая часть русских литераторов, теоретиков, идеологов, экономистов была искренне убеждена, что надо заниматься именно в пореформенной России хозяйством, потому что, как издевательски писал сам Щедрин пять лет спустя, как только мужик будет освобожден, хозяйство процветет. Но ничего подобного не происходило.

Во-первых, огромное количество мужиков, как мы помним по «Вишневному саду», воспринимало волю как трагедию. Во-вторых, ничего не процвело, потому что начались такие обманы, такие чудовищные сделки с собственной совестью и с господами, начались такие странные взаимно-презрительные отношения в этой пореформенной России, где «все перевернулось и только укладывается», что Салтыков-Щедрин, купив имение в Витенево, разорился в считанные месяцы. Хотя он искренне полагал, что должен показать всему миру пример свободного хозяйствования.

В это же самое время ровно теми же идеями одержим Фет, который тоже был большим прогрессистом и тоже начал с того, что всем даровал свободу и пытался выстроить с крестьянами свободные экономические отношения. Крестьяне его обворовали очень быстро. После чего Фет

и превратился в того жестокого крепостника, которым его запомнило советское литературоведение. Он был процветающим помещиком. И Льва Толстого ругал за либерализм. А до того это был искреннейший либерал, абсолютно уверенный, что с мужиками надо договариваться по-человечески. Он не понимал, с каким развращенным, забытым народом имеет дело. И не понимал, что свобода, буде она будет дана, будет прежде всего использована всеми для обмана всех. Понимал это один Некрасов, написавший «Либералов и триумфаторов».

И вот это последнее разочарование Щедрина было по-настоящему страшным. Поняв, что он говорит с народом на принципиально разных языках и никогда не договорится, он стал тем желчным Щедриным, которого мы помним по «Сказкам». Разумеется, один мужик может прокормить двух генералов, как в этой лучшей сказке и говорится, но мысль о том, чтобы обустроить собственную жизнь, этому мужику не придет в голову никогда.

Вот здесь я должен, пожалуй, покаяться. Как известно, незнание предшественника не освобождает от ответственности. Когда я писал «ЖД», я думал, что теория о захваченной стране выдумана мною. Но оказалось — не мною. Следовало бы внимательно прочесть переписку Щедрина со славянофилами. Как ни странно, первым эту идею высказал замечательный славянофил Павлов. Он писал Щедрину, что у нас страна захваченная и что все эти чиновники, которые на нас пришли, все 14 классов — это не свои, это оккупанты, и страна наша, по сути, никогда, с Петровских времен, не жила по своему закону. Петр оккупировал Россию, чтобы заставить ее жить и развиваться на западный образец. («Сказание о призвании варягов есть не факт, а миф, который гораздо важнее всяких фактов. Это, так сказать, прообразование всей русской истории. «Земля наша велика и обильна, а порядку в ней нет», вот мы и призвали варягов княжить и владеть нами. Варяги — это губернаторы, председатели палат, секретари, становые,

полицеймейстеры – одним словом, все воры, администраторы, которыми держится какой ни на есть порядок в великой и обильной земле нашей. Это вся ваша 14-классная бюрократия, этот 14-главый змий поедучий, чудо поганое наших народных сказок. Змия этого выпустил Петр Великий на народность русскую за то, что она не укладывалась в рамки европейского государства. Только при помощи змия он одолел и сломал ее. Главная опора змия – это крепостное право, в котором закон освящает эксплуатацию человека человеком, произвол, насилие и грабеж. Всякий варяжский администратор действует, следовательно, в духе закона. Оттого бессильны все нападки на взяточничество и капиствова «Ябеда», и гоголев «Ревизор», и твои очерки – увы! Пока по закону существует крепостное право, до тех пор в сплошной твердыне взяток даже и бреши нельзя сделать». И.В. Павлов – М.Е. Салтыкову, Орел. 13 августа 1857 г. – **прим. редакции**.

Насчет западного образца можно спорить, насчет того, что оккупировал Петр, можно спорить тем более. Потому что при Иване Грозном все это уже было. Но нельзя не признать одного: Россия – захваченная страна. И вот об этой захваченной стране Щедрин пишет в последующих своих текстах. И в «Современной идиллии», и в «Благонамеренных речах», и в «Господах Молчалиных» проходит самая страшная мысль – жизнь в захваченном государстве ужасна не только тем, что разворачивает захватчиков, она ужасна тем, что разворачивает захваченных. И в книге «За рубежом», вероятно, самой горькой из того, что Щедрин написал, появляется чудовищный диалог, вечно вызывающий гомерический хохот, – «Мальчик в штанах и мальчик без штанов». Этот разговор немца, мальчика в штанах, с русским мальчиком без штанов, который на протяжении всего разговора не выходит из лужи, – знак страшного разочарования в обеих мировых системах. Запад далеко отошел от Бога, а русские и не знали его никогда. Вот тот ужас, который позднего Щедрина переполняет.

Его постоянная боль за Рос-

сию была даже физической. Все помнят единственные сохранившиеся поздние фотографии, эти страшные белые глаза на узком лице, как будто его распирает изнутри отчаяние, пронзительный взгляд, от которого не спрячешься.

Салтыков-Щедрин жаловался на литераторов, которые никак не желали достаточно глубоко его прочесть и понять. И это верно. Понимали его, как правило, чрезвычайно примитивно. А аллегии его, весьма сложные и глубокие, всегда встречали категорический отпор. Всем казалось, что это слишком зашифровано и недостаточно храбро.

Но он не зашифровывал. Он обобщал, пытаясь доискаться до корня, до матрицы той истории, которую мы в результате получили. Это попытка максимальной типизации. Максимального обобщения. И нужно сказать, что большинство его обобщений работают до сих пор. Как, например, в диалоге «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою». Что тут за аллегория? Речь, конечно, идет уже не о царизме. Свинья, корень зла в которой он так успешно обнаружил, – это те самые 90 процентов населения, у которых нет возможности поднять голову, нет возможности взглянуть в небо и увидеть солнышко. Это не мещанин, не обыватель даже. Это – норма. Это мы, если угодно. Это все, кроме тех, у кого хватает еще кое-какой силы робко прошептать: «Корень зла в тебе, свинья». Страшная аллегория, исполненная самоненависти, а вовсе не упреков окружающим.

И эта-то самоненависть Салтыкова-Щедрина и сожрала. К 63-м годам, в момент работы над последним и, может быть, главным его сочинением, которое называлось «Забывшие слова». Сам он объяснял этот замысел очень просто. Сейчас много слов, которые никто уже и не помнит. Никто не помнит, что такое «совесть». Никто не помнит, что такое «жертва». И уж вовсе никто не помнит Бога. И это была попытка хоть как-то напомнить слова, а потом, как знать, и мысли, а потом, как знать, и поступки. За этой работой как раз смерть его и застала. Умер он от апоплексического удара, от инсульта, и, к

счастью, без мучений.

Современники почти этой смерти не заметили. 1889 год. Время, когда казалось, что все замерло. Что никогда не будет иначе. Все раздробилось. Каждый против каждого. А на самом деле, как писал он тогда же, «все – одно». И что такое это «одно», мы понимаем.

Пожалуй, только Куприн в «Исполинах» воскресил его и понял. Там такая история. Пьяный учитель гимназии расставляет перед собой портреты Пушкина, Гоголя, Некрасова и начинает им всем выставлять оценки. И вдруг... «Его глаза столкнулись с гневными, расширенными, выпуклыми, почти бесцветными от боли глазами... И раздался хриплый, грубоватый голос, который произнес медленно и угрюмо: – Раб, предатель и... И затем пылающие уста Щедрина произнесли еще одно страшное, скверное слово, которое великий человек если и произносит, то только в секунды величайшего отвращения». И после этого утром, проснувшись в ужасе, учитель берет портрет Салтыкова-Щедрина и уносит его в самый укромный уголок квартиры. Потому что ему под этим взглядом страшно.

И вот мне думается, что каким бы жестоким, экспансивным, импульсивным, зачастую несправедливым к себе и к нам ни был Салтыков-Щедрин, то, что под его взглядом страшно, – это хорошо. Есть у нас основания для большой совести или нет, а все-таки иметь больную совесть лучше, чем иметь спокойную. Каковы бы ни были иллюзии этого человека, его перехлесты, он нам завещал главное – ему было от всего невыносимо. И это настолько лучше, чем лоснящаяся свинья, что, пожалуй, стоит иногда перечитывать этот довольно тяжелый, печальный и, в общем, великий массив из двадцати коричневых томов.

Он из тех счастливых исключений, когда писатель приходит к взрослому читателю. Дети Щедрина не читают вовсе. Поэтому он стал достойным взрослых. Особенно сейчас, когда открываешь, читаешь – и просто все родное.

(Печатается с сокращениями)

МТАЦМИНДА В ФЕВРАЛЕ
Фото: Дмитрий ЗВЕРЕВ

«ФОНАРЩИК» на ул. Бараташвили. Тбилиси
Фото: Дмитрий ЗВЕРЕВ